

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

М. В. ЛЕВЧЕНКО

ЦЕРКОВНЫЕ ИМУЩЕСТВА V—VII вв. В ВОСТОЧНО-РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В V—VII вв. в Византии происходило несколько запоздавшее разложение рабовладельческого хозяйства и вместе с тем (в возмещение рабского труда) постепенное закабаление еще значительных на Востоке групп свободных (или зависимых только от государства) производителей как в сельском хозяйстве, так и в ремесле. Целые свободные деревни при помощи патроната подчиняются личной власти крупных собственников, которые захватывают обширные пространства земли, обзаводятся частными дружинами исавров и букеллариев, частными судами, тюрьмами и т. п. Вместе с ростом крупного частного землевладения быстро растет крупное церковно-монастырское землевладение. Церковь рано приобрела в Византии значение большой экономической и политической силы, иногда конкурировавшей со светским крупным землевладением.

В своей работе „Материалы для внутренней истории Восточно-Римской империи V—VI вв.“, напечатанной в „Византийском сборнике“, я уже имел случай рассматривать аграрные отношения Восточно-Римской империи V—VI вв. В настоящей статье я ставлю своей задачей собрать данные источников о размерах церковных имуществ Восточной империи в указанные века, о внутреннем строе и управлении земельными владениями церкви, об отношении между церковным и светским землевладением, о правительственном законодательстве в части, касающейся церковных имуществ, и таким образом уяснить место церковного и монастырского землевладения в аграрном строе Восточно-Римской империи. Эти материалы помогут нам также лучше понять отношения между церковью и государством в V—VII вв.

Ф. Энгельс в своей статье „Переворот в аграрных отношениях при Меровингах и Каролингах“¹ прекрасно показал, как быстро росли церковные имущества во Франкском государстве в V—VII вв. и как церковники там искусно использовали благоприятно сложившуюся для них обстановку для обогащения. Несомненно, аналогичные процессы происходили в Восточно-Римской империи.

Началом обогащения церкви были, прежде всего, имущества закрытых языческих храмов, так как распоряжением императорской власти недвижимые имущества, принадлежавшие языческому культу и городам, в значительной своей части были обращены в собственность христианских церквей.²

Вторым и самым обильным источником являлись пожертвования верующих в пользу церквей и церковно-благотворительных учреждений, особенно по духовным завещаниям.

Историк Созомен говорит об Епифании, епископе Кипрском: „Церковного имущества в его распоряжении было очень много, потому что многие, желая сделать благополучное употребление из своего богатства, во всех концах вселенной и при жизни отдавали свое имущество в церковь и при кончине оставляли ей же, в той уверенности, что Епифаний, как добрый распорядитель и как человек, любящий бога, употребит их дар согласно с их намерениями“.³ Данные Юстиниановского кодекса удостоверяют нас в том, что и в VI в. в духовных завещаниях постоянно делались распоряжения относительно выделения известной части имущества на религиозные дела. Юстиниан в своей страсти все регламентировать не оставил без внимания и упорядочения дела с завещаниями в пользу церкви.

Юстиниан предписывал жертвователю испрашивать разрешение местного епископа, прежде чем приступать к постройке церкви или благотворительного учреждения (Nov. 67). Выдавая разрешение, епископ должен был убедиться, что предлагаемых жертвователем средств достаточно не только для построения церкви, но и для поддержания церковного богослужения, а также для содержания причта. Папирусы византийского Египта сохранили нам много завещаний: в одном врач Файбаммон дает землю церкви св. Иеремии.⁴ В другом завещатель отказывает очень значительное земельное имущество в нескольких домах известным монастырям Апа Шенуди

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 394—395.

² Соколов. Церковно-имущественное право в Греко-Римской империи, стр. 144—145.

³ *Sozomeni. Historia ecclesiastica*, VII, 27.

⁴ P. Cairo, 67151.

и Апа Музеос.¹ Всякий денежный отчет о расходах в имениях Апиона начинается выдачами местным церквам и монастырям. Но если расходы имения на приходские церкви сравнительно скромны, то выдачи монастырям гораздо более значительны.²

Напуганные революцией рабов и колонов на Западе Европы, правящие круги Восточно-Римской империи стремились создать прочное государственное единство на единой религиозной основе. Они надеялись, что христианская церковь обеспечит морально-политическое единство эксплуататоров с эксплуатируемыми. Они прилагали все усилия к тому, чтобы церковь была в полной зависимости от государства, а население империи было в полной зависимости от государственной церкви. Именно в Византии и именно в эти века начинают формулироваться и применяться „средневековые, инквизиторские законы, ... преследовавшие за веру или за неверие, насиловавшие совесть человека, связывавшие казенные местечки и казенные доходы с раздачей той или иной государственно-церковной сивухи“.³ „Упование на бога, — говорит Юстиниан в одной новелле, — составляет наше единственное прибежище для существования империи; в нем спасение нашей души и поэтому подобает, чтобы все наше законодательство вытекало из этого принципа, чтобы он был началом, серединой и концом“.⁴ „Церковное благоустройство, — говорит он в другом месте, — есть опора империи“.⁵ Императорская власть, естественно, должна была заботиться, чтобы церковные учреждения держались прочно и чтобы существование их было обеспечено в материальном отношении.

Уже первый христианский император Константин старался обеспечить безбедное житье для духовенства. С этой целью он приказал выдавать на духовное ведомство весьма значительное количество съестных припасов (хлеба, вина и т. п.), предназначенных не для одних клириков, но и для лиц монашеского образа жизни.⁶ Юлиан уничтожил эту субсидию, а преемник его Иовиан приказал выдавать третью часть того, что назначено было Константином. В царствование Феодосия Младшего субсидия выдавалась, как и при Иовиане, уменьшенной на две трети,⁷ но и эта субсидия оставалась весьма значительной.

¹ P. Cairo, 67312, 67003.

² P. Охуг. 1911, 147.

³ В. И. Ленин. Соч., т. VIII, стр. 420.

⁴ Nov. 109, praef.

⁵ Cod. Just. I, 3, 42.

⁶ Феодорит. Церковная история I, 2; IV, 4

⁷ Sozomeni. Historia ecclesiastica, V, 5.

По Феофану, Антиохийская церковь получала ежегодно из казны 36 тысяч модиев хлеба: ἡ δὲ ἐν Ἀντιοχείᾳ ἐκκλησία ἐλάμβανε σίτου μόδιους λς.¹

Папирусы сообщают, что монастырь в Канопе ежегодно получал 5759 артаб хлеба в счет анноны с одного только местечка Афродито.²

Из других правителей щедрыми дарениями в пользу церкви особенно прославилась Пульхерия. Созомен с восторгом рассказывает, с каким усердием выполняла Пульхерия дела благочестия, сколько выстроила великолепных храмов, сколько завела домов для бедных и странников, а также монастырских обителей, назначив для содержания этих учреждений постоянную сумму денег, а для живущих в них известное количество хлеба.³ Не меньшую щедрость проявлял и Юстиниан. На всем пространстве империи он воздвигал во множестве церкви, монастыри, благотворительные учреждения. Не было ни одного большого города — об этом свидетельствует Прокопий в книге о „Постройках“, — где бы Юстиниан не воздвиг и не возобновил какого-нибудь религиозного учреждения.

Стремясь повысить авторитет церкви, правительство передает ей целиком дело общественной благотворительности, почему и церковное имущество официально называется „достоянием бедных“. Кроме приютов и гостиниц, которые имелись в монастырях, существовало еще множество благотворительных учреждений: ксенодохии или больницы, геронтокомии или убежища для престарелых, птохотрофии для бедных, носокомии для больных, орфанотрофии для сирот, ясли или брэфотрофии, лепрозории для прокаженных, — целая совокупность учреждений, называвшихся εὐχρηεῖς οἴκοι.⁴ Все эти заведения управлялись чаще всего монахами и подчинялись власти епископов и патриархов.

Возрастающее влияние церкви в обществе выражалось в той роли, которую императорское законодательство отводит епископу в муниципальной администрации, предоставляя ему и соответствующие средства. Вместе с „первенствующими из собственников“ епископ участвует в назначении всех муниципальных должностных лиц, контролирует правильность расходования городских сумм, следит при помощи особой комиссии за содержанием бань, зернохра-

¹ Theoph. ed. de Boor, p. 29.

² P. Cairo, 67286.

³ Sozomeni. Historia ecclesiastica, IX, 1.

⁴ Cod. Just. I, 3, 45; Nov. 7, 1; 123, 16, 23; 131, 10, 13.

нилищ, водопроводов, мостов, за правильностью мер и весов.¹ Епископ являлся ходатаем по городским делам и в качестве представителя городской *civitas* со своими ходатайствами обращался непосредственно к императору. Обычай ходатайства облакал епископа правом известного надзора над гражданскими провинциальными чиновниками. В 431 г. за церквами официально было признано право убежища. Суд над епископами производился только церковными соборами; не разрешалось привлекать монахов к суду гражданских трибуналов.² За исключением денежных случаев, все их дела восходили к суду епископа. Кроме гражданского суда, функционировал церковный суд. Епископ сам являлся судьей, и формальности этого церковного суда были сведены до минимума.

Правительство стремилось провести принцип неотчуждаемости церковных имуществ. О правительственной политике в вопросе церковного землевладения обильный материал дают нам и кодексы Феодосия, и законодательство Юстиниана. Еще по закону Льва и Анфимия³ никакой епископ, никакой эконо́м в Константинополе не имел права продавать и отчуждать недвижимые имения и церковные земли (*fundos vel praedia sive urbana sive rustica*) и приписанных к этим имениям колонов и рабов (*colonos vel mancipia constituta*). Церковное имущество, по новым законам, можно было только увеличивать, а не отчуждать. Но эта мера, повидимому, оказалась недостаточной. Из VII новеллы Юстиниана, изданной в 535 г., видно, что аналогичное постановление было издано Анастасием, а именно, чтобы константинопольский патриарх не продавал, не дарил и другим способом не отчуждал ни домов, ни земель, ни колонов, ни сельских рабов. Юстиниан в этом вопросе пытался пойти еще дальше своих предшественников и запретил в начале своего царствования всякое отчуждение церковных земель по всей империи. Он боялся, что другое, менее сильное мероприятие откроет дорогу всяким злоупотреблениям. Эту боязнь можно видеть в тех мелочных предосторожностях и оговорках, которыми императорское законодательство окружает единственно допущенное законом отчуждение земель, не приносящих дохода и причиняющих церкви только обременение. И в этом случае, говорит новелла 120, 7, „нужно заботиться, чтобы не было какого-либо злоупотребления, пристрастия или обхода.“

Если эконо́м сдаст неиму́щим в э́мфитевзис церковные земли, он отвечает за убыток (*ἐπιγυνόσκει τὴν βλάβην*). Хартуларии великой

¹ Cqd. Just. I, 4, 46.

² Nov. 79, 123.

³ Cod. Just. I, 2, 14.

церкви не могли получать церковное недвижимое имущество в аренду или эфитевзис или другим способом ни лично, ни через представителей лиц (Nov. 25, οὕτε διὰ μέσου πρεσβυτέρου δύνανται λαβεῖν ἀκίνητον αὐτῆς κατὰ μίθωσιν ἢ ἐμφυτεύσιν ἢ ἕτερον τρόπον). Но провести в жизнь закон о полном воспрещении отчуждения церковных имуществ Юстиниану не удалось. Уже с 536 г. он был вынужден делать изъятия и ограничения в этом законе, смягчать общее правило о неотчуждаемости, а в 544 г. все законодательство о неотчуждаемости было переработано в духе старого Анастасиева закона.¹ И в самом Константинополе новелла 120 должна была уменьшить количество церковных имуществ, на которые распространялся закон о неотчуждаемости. В своем окончательном виде законодательство Юстиниана о церковной недвижимой собственности довольно сложно. По этому законодательству земли бесплодные и убыточные не относились к числу неотчуждаемых. Императорские пожалования признавались безусловно неотчуждаемыми. Нормальным способом использования церковных земель императорскими законами и каноническим правом церкви признавалась попрежнему сдача в аренду—ἐκδοσις. Держателями церковных земель не могли быть еретики и органы церковного управления. Отчуждения разрешались только лишь в определенных законом случаях с соблюдением предписанных законом формальностей: для покрытия церковных долгов, для покрытия налоговой задолженности казне.²

Земли, получаемые в обмен, должны были находиться вблизи церковного учреждения.³ Комиссия из представителей местной правительственной власти, епископа и местного клира должна была удостоверить невозможность покрытия церковного долга иначе как путем продажи церковного недвижимого имущества. Если церковь обременена долгами, предписывается погашать их путем продажи движимого имущества. Если это по каким-либо причинам невозможно, в залог кредитору должно даваться недвижимое имущество. Если кредитор не пожелает брать подобного залога, допускается, с соблюдением целого ряда формальностей, продажа недвижимого имущества с аукциона, о каковой заблаговременно (за 20 дней) должно быть сделано публичное объявление.

Императорское законодательство со времен Анастасия пыталось также регулировать вопрос о размерах канона с церковных земель. По закону Анастасия канон не мог быть меньше обычного годового дохода, приносимого церковным имением. Юстиниан предписывал

¹ Nov. 120.

² Nov. 46, с. 1; Nov. 120, с. 6.

³ Nov. 45, с. 1; Nov. 120, с. 6.

определять величину канона сельских имений не по доходу за один только последний год, а по среднему доходу за последние 20 лет, причем во всяком случае он не должен быть менее 5% стоимости имения. По крайней мере для подгородних имений новелла VII Юстиниана устанавливает такой минимум. Некоторые церкви были выделены в особое положение относительно продажи недвижимостей. Так, Иерусалимской патриархии разрешалось в 536 г.¹ продавать принадлежащую ей недвижимость в Иерусалиме ввиду чрезвычайной выгодности этой операции по местным условиям. Покупатели церковных домов в Иерусалиме предлагали плату, в 50 раз превышающую их стоимость, обычно притом завещая купленное на таких условиях имущество Иерусалимской церкви. Церковь в Мизии иногда имела право продавать свои земли в случае незащищенности этих земель от варварских набегов или необеспеченности дохода с них. Таким образом, несмотря на кажущуюся строгость воспрещения со стороны правительственной власти отчуждения церковных земель, все же оно, как мы видим, и в VI в. могло иметь — и несомненно имело — место.

Принудительное отчуждение церковных земель государственной властью могло производиться не только в видах общественной пользы или государственной необходимости, но и в пользу частных лиц. Всякое отчуждение недвижимости по договору, утвержденное императором, было действительно, но существовал ряд случаев, когда договоры об отчуждении были действительны и без утверждения императора.

Церковные учреждения обычно одарялись деньгами и земельными имуществами, но им предоставлялись и другие источники дохода. Они занимались морской торговлей, получали доходы с городских рынков, владели эргастериями. Так, нам известно, что уже Константин по основании новой столицы дал Константинопольской церкви 800 эргастериев, которые должны были выполнять свои церковные повинности (по погребению мертвых) натурой. Среди многих других привилегий жители столицы пользовались правом бесплатного погребения. В XI в. к Константинопольской великой церкви было приписано 1100 эргастериев. Из них 800 должны были отбывать повинности натурой, 300 же уплачивали церкви денежными взносами. Взамен этого указанные эргастерии и председатели коллегий, их составляющих, были освобождены от всяких иных повинностей.²

¹ Nov. 40, с. 1.

² Nov. 43, 536 г.

Но кроме этих эргастериев специального назначения, как видно из той же новеллы, церковь владела и промышленными эргастериями, освобожденными от налогов, которые повтому составляли сильную конкуренцию не-церковным эргастериям.

Но наиболее обычным способом обеспечения церковных учреждений было наделение церковных учреждений землей. Об этом ясно говорит Иоанн Златоуст, призывая богачей воздвигать в своих имениях вместо бань церкви. „Ты, — обращается он к крупному землевладельцу, — поставь церковь, священника, диакона и прочий клир и припиши к церкви имение, как бы приданое невесте“.¹

В источниках постоянно упоминается о наделении землей церквей и монастырей. Так, в 631 г. Иракий посетил монастырь Марона, находящийся поблизости от города Эмезы, о чем сохранил память патриарх Евтихий. По его словам, монахи устроили императору торжественную встречу и за свой прием были щедро вознаграждены предоставлением больших земельных владений, которые богато обеспечивали благосостояние этого монастыря в последующее время.²

По законам Юстиниана при устройстве новой церкви должен быть указан источник содержания клириков. По экономическим условиям того времени таким источником могло быть главным образом недвижимое имущество (автургия). Эти автургии назначались в пользование клирика в виде вознаграждения и обеспечения его. Участок земли, получаемый клириком, был его основным обеспечением. Все прочие доходы являлись лишь добавочными.³

В VI в. земельные владения церкви, по данным церковного историка Болотова, занимали $\frac{1}{10}$ всей территории империи. Но Болотов заимствовал эти данные у Планка.⁴ Планк же вычислил эти данные для IV в. В V—VI вв. численность духовенства увеличилась, а потому должны были увеличиться и земельные владения церкви. По мнению академика Васильевского, перед началом иконоборчества Восточная церковь не уступала размерами своих территориальных владений церкви Западной, т. е. владела не меньше чем $\frac{1}{3}$ земельных угодий империи.⁵ К сожалению, в источниках

¹ Беседа XVII на книгу „Деяния апостолов“. Творения Златоуста, т. IX (русск. перев.), стр. 177. СПб., 1903.

² Evtich. Ann. P. Gr. III, 1089.

³ Соколов. Церковно-имущественное право в Греко-Римской империи, стр. 274—275.

⁴ Plank. Geschichte der Christlich-Kirchlichen Gesellschaftsverfassung.

⁵ В. Г. Васильевский. Материалы для истории Византийского государства. — ЖМНПр., ч. ССII, март 1879, стр. 169.

мы не можем найти точных данных, подтверждающих гипотезу Васильевского. Данные источников многочисленны, но отрывочны и разбросанны. Из них мы, однако, можем сделать безошибочный вывод, что церковные имущества Восточно-Римской империи были весьма значительны. О размерах церковных имуществ мы можем судить по громадному количеству клириков, содержащихся на средства этих имуществ.

В V—VI вв. Восточная церковь окончательно оформляет свою организацию, такую же сложную и громоздкую, какой являлась правительственная административная машина. Одних православных епископств в Восточной империи насчитывалось до 6 тысяч.¹ В одной Софийской церкви в Константинополе в 535 г. насчитывалось 60 пресвитеров, 100 диаконов, 40 диаконисс, 90 иподиаконов, 40 чтецов и 25 певчих, итого 425 клириков. К этому еще надо прибавить 100 привратников. При Ираклии в 612 г. количество клириков Софийской церкви было увеличено до 80 пресвитеров, 150 диаконов, 40 диаконисс, 70 иподиаконов, 160 чтецов, 25 певчих.² К этому нужно прибавить управленческий аппарат Константинопольского патриархата, который во времена Ираклия состоял из 2 синкеллов, 12 канцеллариев (*καγγελλάριοι*), 10 экдиков, 12 референдариев, 40 нотариусов и 12 хранителей церковных сокровищ (скевофилакс).³

Житие Иоанна Милостивого, написанное Леонтием Неапольским, показывает, что так же многочислен и так же организован был и клир кафедральной церкви Александрийского патриарха.⁴

Не менее многочисленно было духовенство даже во второстепенных провинциальных городах вроде Эдессы, в которой было 200 священников, а может быть и больше, так как сам епископ этого города на Халкидонском соборе не мог точно определить количество подведомственных ему городских священников.⁵

Велико было количество монастырей Восточной империи. Монахи в VI в. были официально включены в состав клира. Современные источники дают много материала, показывающего, как быстро на территории империи шло развитие этих „ненормальных общественных организмов, в основе которых лежало

¹ Hefele. Conciliengeschichte, II, 214.

² Nov. Heracl. 612 г.; Zach. III, 74.

³ Zach. III, 74.

⁴ Leontios v. Neapolis. Leben d. hl. Johannes d. Barmherz., hrsg. v. Gelzer, 121.

⁵ „Деяния вселенских соборов“, IV, 96.

безбрачие".¹ В Константинополе в 518 г. насчитывалось 56 монастырей,² в 536 г. их имелось уже 76.³ Количество монастырей было огромно и в провинциях — Александрия была окружена их густой сетью. На севере находилась группа под названием Каноп, из которых наиболее значительным был Метанойя; на юге — группа Энатон, в которой жили десятки тысяч монахов. При жизни Шенути, своего основателя, Белый монастырь насчитывал 2200 монахов и 1800 монахинь. Небольшое местечко, как, например, Афродито, насчитывало более 15 монастырей.⁴ По словам Палладия, в городе Оксирихе в Аркадии количество церковников равнялось количеству мирян.

В Палестине в VI в. неутомимыми строителями монастырей были Савва Освященный и Феодосий. Можно удивляться обилию монастырей и быстроте их возникновения в Сирии, читая „Историю боголюбцев“ Феодорита Киррского. От Сирии не отставала Месопотамия. Там также количество монастырей было громадно и росло не по дням, а по часам. Иоанн Эфесский сообщает нам, что в его время в Амиде было 5 монастырей, да в Амидском округе два брата Аддай и Авраам построили 12 монастырей. Некоторые из них были очень многолюдны. Так, монастырь эдессян насчитывал 700 человек, Ортаи — 400, где монахи жили частью в общежитиях, частью в отдельных кельях.⁵ Монастыри большею частью возникали в порядке частной инициативы, но иногда правительство само их строило, а также вынуждало к этому население. При Юстиниане, в результате миссионерской деятельности Иоанна Эфесского, уполномоченного императором, было насильственно крещено 70 тысяч язычников в Малой Азии. Для них за время с 542 по 571 г. было построено 12 монастырей и 99 церквей. Половина этих сооружений была сделана за счет казны, а остальная — за счет новообращенных.⁶

Историк, знающий, как остро стоял вопрос о запустении земель в эти века перед правительством Восточной империи и как оно стремилось прикрепить каждого к его тяглу, невольно недоумевает перед вопросом, откуда брались люди для заселения этих монастырей, тем более, что до нас дошли законы, воспреещающие рабам и колонам без согласия своих господ вступать в клир и в мона-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 131.

² Mansi. Collectio conciliorum. VIII, 1054.

³ Acta cons. Const. 536. Actio I, V; Mansi. VIII, 882.

⁴ P. Lond. IV, 583.

⁵ А. Дьяконов. Иоанн Эфесский, его церковно-исторические труды. СПб., 1908, стр. 16.

⁶ Там же стр. 67.

стыри.¹ Но источники нам показывают, что эти запрещения не были особенно действительны. Иоанн Эфесский, например, не скрывает, что широкое увлечение аскетизмом приводило в монастырскую среду массу людей случайных, что их принимали без разбора, и жизнь монастырская не отличалась чистотой. „Хотя бы в монастырь пришел кто-нибудь вследствие преступления, рабства, долгов, ссоры с женой или кражи, чтобы избежать угрожающего суда,— его тотчас же по пострижении принимают, несмотря на то, что его душе в большей степени свойственны необузданные нравы и мирские привычки“.² Правительство само в течение долгого времени поощряло создание монастырей, считая, что развитие этих учреждений являлось и хорошим примером и хорошей политикой, полагая, что „если эти чистые руки и священные души будут молиться за империю, то при обеспеченной таким образом милости божией армия будет крепче, процветание государства больше, земледелие и торговля более цветущи“.³

V—VII вв., несомненно, являются золотым веком развития монастырей в Византии. Говоря об этом учреждении, имеющем такое огромное распространение и такое длительное существование, историк-марксист не может ограничиться презрительной и остроумной насмешкой над ними в стиле Гиббона. Чтобы объяснить широкое их распространение, недостаточно сказать, что загонял туда людей невыносимо тяжелый гнет византийских налогов, что там здоровые люди „спасались“ от тяжелых налогов, от гнета господ, от военной службы,— хотя и это, несомненно, имело место.

Византийские монастыри того времени различались по своему характеру. В одних монастырях — и они были довольно многочисленны в Византии — среди монахов преобладали склонности люмпен-пролетариев; монахи жили там, главным образом, нищенством, а христианский аскетизм был средством для достижения этими монахами „высшего духовного совершенства“. Другие монастыри имели счастье найти богатых членов или покровителей, даривших им имения, деньги, рабов и колонов, и благочестивые люди могли жить, эксплуатируя последних. Монастыри третьего рода были союзами бедных людей, пытавшихся созданием своеобразных производственных товариществ решить „социальный вопрос“ своего времени для ограниченного круга лиц и собственными силами этих последних. Им приходилось, по крайней мере на первых порах, прибегать к физическому труду, приучаться к планомерности и

¹ Cod. Just. I, III, 16.

² А. Дьяконов. цит. соч. стр. 394.

³ Nov. 138, 5.

порядку крупного коллективного хозяйства. Экономическое превосходство этих крупных хозяйств, притом поставленных правительством и обществом в привилегированное положение над всеми хозяйствами того времени, приводило с течением времени эти монастыри к богатству и могуществу, а следовательно, и к власти над трудом других людей. Им представлялась возможность жить трудом других, и они, естественно, пользовались этой возможностью и таким образом из производственных товариществ превращались в товарищества эксплуататоров.

Источники показывают нам, что церкви александрийская, римская, константинопольская, иерусалимская и др. получали от своих имуществ весьма крупные доходы. Одной из самых богатых была александрийская церковь, земельные владения которой раскинуты по всем египетским номам. Она владела собственными торговыми кораблями, ведшими оживленную торговлю в Адриатике и Средиземном море, и еще в начале VII в. патриаршие корабли добирались до Британии, откуда они вывозили олово.¹

В житии Иоанна Милостивого, написанном Леонтием Неапольским, рассказывается, что в начале VII в. 13 судов патриарха, вместимостью каждое в 10 тысяч модий, были застигнуты бурей в Адриатике и вынуждены были выбросить все товары, в том числе такие ценные, как ткани и серебро. Убытки были громадны. Явившись в Александрию, капитаны искали убежища в храме, но Иоанн отнесся к ним человеколюбиво, а последующие экспедиции были так выгодны, что с лихвой покрыли убытки.² В главе 13 описывается, как патриаршие суда, называемые за быстроту хода „газелями“ (δερκωνα), во время голода своевременно доставили хлеб из Сицилии.³

Эти морские экспедиции александрийской церкви были весьма оживленны и при предшественнике Иоанна, патриархе Евлогии (580—607). Римский папа Григорий Великий посылал патриарху бедного лесом Египта строительный материал.⁴ Владея большим количеством земель, занимаясь торговлей, александрийские патриархи получали значительные доходы с рынков и эргастерий Александрии.⁵ Хозяином церковных богатств был александрийский патриарх. В первой половине V в., до Халкидонского собора, александрийский патриарх, благодаря своим богатствам и предоставленным ему широ-

¹ L. v. Neapolis. Leben d. hlg. Johannes d. Barmherz., hrsg. v. Gelzer, 19.

² Ibid., 60—61.

³ Ibid., 28.

⁴ Greg. Epist. VII, 37.

⁵ L. v. Neapolis. Leben d. hlg. Johannes d. Barmherz., hrsg. v. Gelzer, 32—34.

ким, хотя и неопределенным, правам, был силой, перед которой все в Египте должно было преклоняться. Августал Орест в 415 г. напрасно пытался освободиться от тирании патриарха Кирилла, который своєю властью изгнал евреев из Александрии. Его преемник Диоскор, по сохранившимся свидетельствам, не знал никаких пределов своему самоуправству, и ему приписывают изречение: „страна больше принадлежит мне, чем императору“.¹ Он ограбил богатых родственников своего предшественника, патриарха Кирилла, отобрав у племянника Кирилла александрийского, пресвитера Афанасия, громадную сумму — 1400 литр золота, так как обвинял Кирилла в растрате церковных сумм; но эти суммы достались не Диоскору, а представителям светской администрации — внуху Хрисафию и патрикию Ному.²

Халкидонский собор не только нанес тяжелый удар престижу александрийского патриарха, но даже оставил его без паствы. В Египте после Халкидонского собора на 300 тысяч православных приходилось 5 или 6 миллионов монофизитов.³ Православный патриарх Иоанн Милостивый (610—619) при своем вступлении в должность нашел в Александрии только 7 православных церквей, но богатые имущества остались в руках мелхитского патриарха. Имущество александрийской церкви было настолько значительно, что александрийский патриарх мог получить единовременный кредит у частных лиц в 1½ тысячи литр золота (627 750 руб. золотом), Иоанн при своем вступлении в должность нашел в сокровищнице александрийской церкви 8 тысяч литр — 3348 тысяч руб. золотом⁴ и сам во время своего епископства получил более 10 тысяч литр. Число православных церквей при нем удесятерилось. Многие селения, церкви, монастыри, как утверждает его биография, были отвоеваны для православия. Этих успехов Иоанн добился не обычными средствами религиозной полемики или преследования монофизитов, а расходом богатых средств своей церкви, очевидно по договоренности с правительством, главным образом на дела благотворительности для завоевания симпатий населения. Леонтий Неапольский в своем житии Иоанна рассказывает, что этот патриарх кормил ежедневно за счет патриархии 7½ тысяч александрийских бедняков, содержал бесчисленных беглецов из разоренной персами Сирии; для бедных женщин, которым предстояли роды и у которых не

¹ Maspero. Histoire de patriarches, p. 6.

² „Деяния вселенских соборов“, т. III, стр. 583—587.

³ Hefele. Conciliengeschichte III, 119.

⁴ L. v. Neapolis. Leben des heil. Johannes d. Barmherz., 92: περί τῆς οὐδοῦχουτῆς χεντηνῶν χρυσίου.

было жилища и средств существования, он выстроил пять родильных домов в различных частях города, посылал щедрое вспоможение разоренной персами Иерусалимской церкви.¹

Не менее богата была Римская церковь. Владения Римской церкви были не только в Италии, Сицилии, но и на Балканском полуострове, в Африке, Галлии, Малой Азии.² О роскоши, окружавшей римских духовных сановников, свидетельствуют современные летописцы. Рассказывая о том яростном побоище, которое произошло при выборах папы Дамаса, после которого в базилике остались 137 убитых, Аммиан Марцеллин замечает, что он ничуть не удивляется тому, что люди с таким усилием стремятся к приобретению этого сана. Удобства, которыми обставлена жизнь римских епископов, богатые подарки матрон, прекрасная одежда, великолепные коляски, обеды, превосходящие по роскоши даже императорские пиршества, — все это, естественно, соблазняло многих выступать кандидатами на Римскую кафедру.³

Языческий префект Рима Претекстат, который сам был богачом и получал ежегодно со своих имений 900 тысяч руб. золотом, часто говаривал в шутку папе Дамасу: „Сделайте меня римским епископом, и я стану христианином“.⁴

Несмотря на все бедствия, постигшие Италию и Рим в V—VI вв., римские папы и в VII в. сохранили свое богатство и свои имения в различных странах, как это видно из писем папы Григория Великого. В этих письмах упоминается о 18 патримониях Римской церкви в Европе и Африке.⁵ Патримонии эти состояли из множества имений. Насколько велик был Сицилийский патримоний, видно из того, что он имел около 400 кондукторов.⁶ Нам известно также, какие доходы он приносил папам ежегодно.

Когда между римскими папами и константинопольскими императорами возник конфликт из-за почитания икон, император Лев Исавр в 733 г. приказал конфисковать патримоний Римской церкви в Калабрии и Сицилии. Феофан указывает и размер понесенного при этом папами денежного убытка — $3\frac{1}{2}$ таланта ($\tau\acute{\alpha}$ δὲ λεγόμενα πατριμόνια τῶν ἀγίων καὶ χορυφαίων ἀποστόλων τῶν ἐν τῇ προεβυτέρᾳ Ῥώμῃ τιμωμένων

¹ L. v. Neapolis, Leben des heil Johannes d. Barmherz., 9, 13, 14.

² Paul Fabre. De patrimonis Romanae ecclesiae usque ad aetatem Carolinorum; Mommsen. Die Bewirtschaftung d. Kirchengüter unter Papst Gregor I. Ztschr. f. Social- u. Wirtschaftsgeschichte I, 43.

³ Ammiani Marcellini. Res gestae XXVII, 3.

⁴ В. В. Болотов. Лекции по истории древней церкви, т. III, стр. 109.

⁵ P. Fabre. De patrimonis Rom. eccles., pp. 59—93.

⁶ Greg. Epist. II, 38,

ταῖς ἐκκλησίαις ἐκ πάλαι τελούμενα χρυσίου τάλαντα τρία ἡμισυ τῶν δημοσίῳ λόγῳ τελεῖσθαι προσέταξεν).¹

3¹/₂ таланта составляют 350 литр золота или 25 200 золотых солидов. Иными словами, этот патримоний давал папе почти столько же, сколько налогов императорское казначейство получало с провинции Великой Армении.² Патримоний Сицилии был одним из доходнейших папских владений, и неудивительно, что римские папы долго потом (хотя и безрезультатно) добивались возвращения отнятых у них владений; но, кроме потерянных, у них оставалось еще много других. Притом доходы пап, как и других патриархов, не ограничивались только земельными владениями. Римские епископы занимались церковным хозяйством с замечательной скрупулезностью. Письма Григория I показывают, как заботился он даже о мелочах церковного хозяйства. Он входит в подробности относительно эксплуатации церковных имений, рассуждает об условиях сдачи в аренду, о продаже и покупке сельских продуктов. В одном письме он пишет, что следует сократить количество выращиваемых лошадей, потому что кормы стоят дорого, а прибыли от этого дела мало. Папа не забывает при этом упомянуть, как распорядиться и конской сбруей в случае сокращения коннозаводства.³ В конце VI в. папа имел в своем распоряжении достаточно средств, чтобы держать в экономической зависимости от папской власти все население Рима, откупаться от нападения лангобардов, развивать широкую благотворительность и содержать большой административный аппарат Римской церкви, во главе которого стояло 7 судей — архидиаконов.

Большими средствами, множеством прекрасных подгородных имений располагала и Константинопольская патриархия. Большой штат Софийской церкви, составлявший в 535 г. 525 клириков, свидетельствует о богатстве этой так называемой великой церкви. Иоанн Златоуст на эти средства, в бытность константинопольским патриархом, устроил два госпиталя и содержал в них 7700 больных.⁴ Епископы и здесь, как и в Риме, были окружены роскошью, что вызывало протесты лучших представителей клира — Иоанна Златоуста и Григория Богослова. Церковники не постеснялись даже поставить Иоанну Златоусту в ряд обвинительных пунктов на соборе в Дубе недостаток великолепия. Григорий Богослов в своей прощальной речи к константинопольскому населению говорил: „Может

¹ Chronographia, ed. de Boor, p. 410.

² Procop. B. Pers., 2, 3.

³ Greg. Epist. II, 33.

⁴ В. В. Болотов. Лекция по истории древней церкви, т. III, стр. 110.

быть, и за то будут порицать меня, как уже и порицали, что нет у меня ни богатого стола, ни соответствующей сану одежды, ни торжественных выходов, ни величавости в обхождении. Не знал я, что мне нужно входить в состязание с консулами, правителями областей, знаменитейшими из военачальников, которые не знают, куда расточать свое богатство, что и мне, роскошествуя из состояния бедных, надобно обременять свое чрево, употреблять необходимое на излишество... Не знал, что и мне надобно ездить на отличных конях, блистательно выситься на колеснице, что и мне должны быть встречи, приемы с подобострастием, что все должны давать мне дорогу и расступаться передо мной, как перед диким зверем, лишь только издали завидят мое шествие".¹

Но количество живущих на эти средства клириков было чрезмерно велико. Церковные имения зачастую сдавались их администрацией знатым и сильным людям за выплату ничтожной ренты. Поэтому доходов Константинопольской патриархии нехватало на покрытие расходов, и она в VI в. была даже обременена долгами. В новелле XVI (535 г.) Юстиниан был вынужден предписать церковной администрации, если в „великой церкви“ умрет клирик, не назначать нового, пока количество клириков превышает штатное число. И даже когда количество клириков достигнет нормы, то не назначается новый клирик, а приглашается сверхштатный клирик из других константинопольских церквей.

Юстиниан надеялся, что при таком порядке, „когда излишек будет восполнять недостаток, восстановится прекрасная и богоугодная соразмерность (доходов и расходов) и великая церковь освободится от долгов“ (κ' ἐνταῦθεν ἡ ἀγιωτάτη μεγάλη ἐκκλησία κατὰ μίκρον τῶν ὀφλημάτων ἀπαλλαγῆσεται).

О богатстве Иерусалимской церкви свидетельствует новелла 40 от 536 г. Во введении к этой новелле Юстиниан говорит: „Общеизвестно, что церковь Воскресения (в Иерусалиме) принимает и кормит стекающихся из всех концов Земли, производя таким образом огромные издержки, и поэтому по справедливости она должна иметь и большие доходы“. Далее Юстиниан восхваляет старание и рачительность казначея Евсевия, сумевшего значительно увеличить церковные доходы: ὥστε αὐτῇ καὶ πόρων δεῖ πλεόνων καὶ προφασέων εὐσεβῶν καθ' ἃς μέλλοι δυνατὴ καθεστάναι πληθεῖ βοηθεῖν τοσοῦτο.²

Даже Феодорит, епископ такой незначительной епархии, как Кирр на Евфрате, мог из остатков церковных доходов построить

¹ В. В. Болотов. Лекции по истории древней церкви, т. III, стр. 110.

² Nov. 40 от 536 г.

в пользу города портик, два крупных моста, улучшить бани, провести канал из Евфрата в этот, до сих пор безводный, город.¹ Василиада, построенная Василием Кесарийским около 370 г., представляла в малом виде целый город.

В 372 г. в письме к правителю провинции Василий, обвиненный перед правительством в больших расходах на постройки, оправдывается, доказывая, что здания эти общепользны, служат украшением города и начаты с разрешения императора. „Мы воздвигли, — пишет Василий, — нашему богу великолепный молитвенный дом и около него жилые здания: одно, изящного вида, для настоятеля, другие, ниже его расположенные, для служителей божьих и, наконец, здания, предназначенные для общего употребления и всем градоначальникам и лицам, сопровождающим вас. Кому мы делаем обиду, если строим пристанища странникам? Кому мы делаем обиду, если строим гостиницу для путников, бывающих здесь мимоходом, или заводим необходимое для их успокоения: ходящих за больными врачей, вьючных животных, проводников? А за сим неотъемлемо должны следовать и искусства как необходимые для жизни, так и изобретенные для приличного препровождения ее, и еще иные дома, приспособленные для работ. Все это служит украшением городу и обращается в похвалу нашему градоначальнику, так как распространяет добрую славу о нем“.²

Антиохийская церковь во времена Златоуста, кроме больных и нищих, содержала до 3 тысяч вдов и девственниц. Имущества антиохийской церкви были настолько значительны, что для правительства правильное распоряжение этими имуществами представлялось вопросом государственной важности. При Маврикии личные враги антиохийского патриарха Григория (в том числе один банкир) обвиняли патриарха в неправильном расходовании церковных денег. Григорий был вызван в столицу на суд императора, и его дело рассматривалось в полном собрании сената с участием митрополитов. Григорий сумел оправдаться, и его главный враг — банкир был подвергнут публичному бичеванию за клевету. Григорий отблагодарил императора, умиротворив опасное для правительства восстание войска на восточной границе в 588 г. и организовав для этого войска богатое угощение.³

Богаты были и провинциальные церкви. Так, церковные доходы Эфесской церкви на Халкидонском соборе 451 г. характеризовались

¹ Migne. Patr. Gr. LXXXIII, 1261.

² Творения Василия Великого, ч. 6. Сергиев посад, 1892, стр. 137.

³ Evagr. Hist. ecclesiast. 6, 10.

„как многочисленные и доходящие до несметного количества“¹, а эфесского епископа Иву обвиняли в том, что эти доходы он передавал своему брату и своим племянникам.

Приведенные примеры, количество которых можно легко увеличить, ясно показывают, как велико было церковное имущество Восточно-Римской империи в V—VI вв. и как дорого обходилось содержание церкви государству и народу. Необходимо, однако, отметить, что в V—VI вв. происходят значительные изменения в использовании церковных имуществ и в расходовании церковных средств. Изменяются способы содержания духовенства, изменяется и социальный состав руководящих кадров церкви.

До IV в. было правилом, что клирики, если они были людьми недостаточными, сами промышляли о своем материальном обеспечении. Сборник, известный под названием „Statuta ecclesiae antiquae“, в правиле 51 говорит: „Клирик, как бы он ни был учен в слове божием, должен получать пропитание каким-нибудь ремеслом“.² Правило это имело применение в жизни до IV в., но и в IV в. на него обращали серьезное внимание. Василий Великий назначал в приходы пресвитеров, не особенно даровитых и способных, но зато таких, которые приобретали бы пропитание своим трудом. Реже встречались такие примеры среди епископов, но мы знаем, что еще в IV в. Спиридон Тримифунтский на о. Кипре как до епископства, так и во время епископства пас стада для своего пропитания.³ Созомен рассказывает о епископе Газском Зионе: „Зион в Газе ткал на одноверетенном станке льняную одежду и не переставал заниматься этим делом до смерти“.⁴ Но по мере роста церковных богатств среди епископов и других клириков эта практика выходила из употребления, и они при первой к тому возможности желали „питаться от алтаря“ — жить на церковные средства. Одновременно отмирало выборное начало в церкви, и высшие церковные должности, как правило, стали занимать люди знатные, выходцы из сенаторского сословия и богатых слоев населения.

Поэтому, если в древнейшей церкви и даже в IV в. церковные суммы еще считались достоянием бедных и расходовались частично на пропитание неимущих, призрение сирот, погребение бедных, — то уже в V в. картина резко изменяется. В это время начали делить церковные доходы на 4 доли: 1) в пользу епископа,

¹ „Деяния вселенских соборов“, т. IV, стр. 190.

² В. В. Болотов. Лекции по истории древней церкви, т. III, стр. 124.

³ Сократ. Церковная история. Саратов, 1911, I, 12.

⁴ Sozomeni. Historia ecclesiastica, VII, 22.

2) клира, 3) храма и, наконец, 4) бедных. Но на этом дело не остановилось. Доля духовенства, получаемая из церковных доходов, стала все возрастать за счет доли бедных или доли с благотворительным назначением. При Юстиниане церковные доходы идут прежде всего на содержание клириков, потом на церковные нужды, и лишь остатки поступают в пользу бедных. Только та часть их, которая имела целевое назначение и волей завещателя была забронирована для содержания благотворительных учреждений, оставалась для бедных.

В V—VI вв. значительно изменяется социальный состав руководящих кадров клира. Еще в конце IV в. Григорий Назианзин жаловался, что народ стал искать среди епископов все, что угодно, но меньше всего пастырей душ. „Народ, — говорит он, — имеет теперь не священников, но риторов, не блюстителей душ, но обладателей золота, не таких, кто приносил бы жертвы с чистым сердцем, но могущественных предстоятелей.“¹ Именно этим стремлением получить в лице епископа влиятельного защитника руководилась Птолемаида в избрании своим епископом неоплатонического философа Синезия, хотя тот, соглашаясь принять епископство, откровенно заявлял, что он не желает расставаться не только со своей женой, но и со своими философскими взглядами.²

В некоторых городах, по свидетельству Златоуста, для того только выбирали в епископы людей знатных и богатых, чтобы они ничего не требовали от церкви на свое содержание, а, наоборот, тратили свои средства на нужды церкви.³ Таким образом, все более укреплялась практика поставлять в епископы преимущественно знатных и состоятельных людей. Дошедшее до нас духовное завещание Григория Назианзина показывает, какими значительными материальными средствами обладали епископы, имевшие личную движимую и недвижимую собственность.⁴

Эта практика была закреплена правительственным законодательством. Законодательством Юстиниана простой народ был совсем отстранен от избрания епископа. Только клиру и почетным гражданам — *πρώτοις τῆς πόλεως* — предоставлялось назначать 3 кандидатов, выбор из которых предоставлялся митрополиту.⁵ В Киренаике, Сардинии, Далмации, Сицилии в VI в. *nobiles, primores et optimates urbis* играли преобладающую роль в выборе епископа.

¹ Творения Григория Богослова, т. IV, стр. 48.

² *Migne. Patr. Gr. LXVI, Epist. 105.*

³ Слово о священстве, кн. III, гл. 15, изд. Петерб. Духовной академии, т. I, стр. 428.

⁴ *Migne. Patr. Gr. XXXVII, 391—395.*

⁵ *Nov. 123.*

Выборами заправляла аристократия императорских чиновников и крупных землевладельцев.¹ Естественно, что такие выборщики и выбирали представителей своего класса. О том, что неимущему было невозможно занять сколько-нибудь видную епископскую кафедру, говорят и те громадные пошлины, которые должны были уплачивать епископы при своем поставлении.

В новелле 123 Юстиниана говорится, что патриархи — константинопольский, александрийский, антиохийский, иерусалимский при посвящении должны уплачивать совершителям хиротонии и их нотариам 20 литр золота. Византийская литра равнялась 418 р. 50 к. золотом, следовательно патриархи при своем посвящении тратили более 8 тысяч золотых рублей. Если допустить, что они при своем посвящении расходовали $\frac{1}{4}$ своего годового дохода, то отсюда ясно, как велики были их доходы. В той же новелле упоминаются заурядные епископы, имевшие годового дохода 600 золотых,² т. е. около 3 тысяч рублей.

Митрополиты или архиепископы, рукополагаемые от своего собора или патриарха, епископы — от патриарха или архиепископа, давали в пользу участвующих в рукоположении, если годовые доходы церкви были не менее 30 литр золота, 100 номисм, да в пользу нотариев и других служащих 300 номисм, т. е. должны были издержать крупную сумму, — более 2000 золотых рублей. Ясно, что подобные должности могли занимать только состоятельные люди.

Это, конечно, не значит, что все епископы были богаты. Та же новелла показывает, что были и бедные епископы, и церковным властям иногда приходилось применять прямое насилие, чтобы заместить такие бедные кафедры. Епископ Вассиан жаловался Халкидонскому собору, что Мемнон, бывший епископ Эфеса, желая выгнать его из Эфеса, назначил его, Вассиана, епископом евазским, а так как он не соглашался и не принимал этого назначения, то Мемнон бил его с 3-го до 6-го часа перед алтарем, так что евангелие и алтарь были обогрены кровью.³

Церковное землевладение — „имущество бедных“, по идее предназначенное для помощи беднякам, на деле по своей внутренней организации мало отличалось от императорского и сенатского землевладения и также держалось на основе принудительного труда, также эксплуатировало труд рабов и колонов.

¹ Ch. Diehl. *Études sur l'administration byzantine*, p. 13.

² Nov. 123, c. 3.

³ „Деяния вселенских соборов“, IV, 250.

О том, что церковные земли, как правило, обрабатывались руками рабов и колонов, свидетельствуют как законодательные памятники, так и другие исторические источники. Так, новелла VII Юстиниана запрещает „боголюбезному архиепископу и патриарху этого счастливого города (Константинополя) продавать, дарить и другим образом отчуждать какое-либо недвижимое имущество“, которое дальше и перечисляется: дом или пахотную землю (*ἢ ἀγρόν*), или колона (*ἢ γεωργόν*), или рабов (*ἀνδράποδα ἀγροικῆς*). Таким образом, рабы и колоны являлись необходимой принадлежностью церковного имущества.

В Озроэне хроника Псевдо-Захарии Митиленского¹ сообщает о целых селениях, принадлежавших епископу. Анастасий, строя крепость Дару, выкупает у епископа и ее обитателей. Церковники обнаруживают не меньшие эксплуататорские наклонности, чем другие крупные землевладельцы. В этом отношении очень характерна новелла 156. В ней мы читаем, что управляющие апамейской церкви обратились к императору с сообщением, что колоны, принадлежащие другим, вступили в сожительство с женщинами этого же сословия, принадлежащими апамейской церкви, и произвели детей. Церковники добивались, чтобы чужие колоны с их потомством были переданы апамейской церкви (*et petierunt ut sibi restituerentur et coloni et eorum liberi, ventrem maternam sequentes.*—Nov. CLVI, praef.). Юстиниан, вообще очень предупредительно относившийся к просьбам церковников, на этот раз отказался передать им чужих колонов, а о родившихся от этого брака детях разъяснил, что потомство должно быть поделено пополам между апамейской церковью и господами чужих колонов.

В законе Льва и Анфимия² константинопольскому патриарху запрещается отчуждение церковного недвижимого имущества (*fundos vel praedia sive urbana sive rustica*), а дальше добавляется „а также рабов и колонов, находящихся в этих имениях (*colonos vel mancipia constituta*)“. Такую же картину мы видим в VI в. и на землях папского престола. Там также сельскохозяйственное производство ведется трудом зависимого населения: рабов и колонов. Обитатели папского патримония называются *patrimoniales rustici*. Они являются людьми домена, а не гражданами городской *civitas*. Папа Григорий называет их попеременно то *coloni*, то *rustici*. Они образуют *familia ecclesiae*, т. е. являются подданными церкви. Колоны платят поземельный налог государству, о котором идет речь в длинном

¹ VII, c. 4; Land. Anecdota III, 206.

² Cod. Just. I, 2, 14.

письме Григория правителю Сицилийского патримония и который характеризуется Григорием как весьма обременительный для колонов (*inlatio burdationis rusticos nostros vehementer angustat*). Колоны¹ церковных имений привлекаются к отбыванию военной службы, как и другие подданные государства:² *venientibus scribonibus, qui sunt audio, jam illis tyronos colligunt*.

Императорская администрация остается высшей судебной инстанцией в конфликтах между людьми домена и людьми, чуждыми домену. Но несомненно, что и церковная администрация присвоила себе права административной власти над населением — право суда по ряду вопросов, возникавших среди людей патримония, и право так называемого *coercitio* (*cui talem dedimus potestatem ut eos, qui contumaces extiterint districta severitate corripiat*).³ Это право подтверждается и письмом Григория ректору патримония Сицилии, где речь идет о наказаниях, которым управитель имеет право подвергать колонов.⁴

Невозможно точно сказать, выступает ли ректор, наказующий колонов-правонарушителей, в качестве *iudex publicus*, или он действует в качестве управляющего господина, используя предоставленное последнему право в некоторых случаях наказывать колонов.⁵ Наличие рабов в имениях Римской церкви не вызывает сомнений, хотя, как справедливо отмечает Моммсен, не следует всегда в языке этой эпохи вообще и в письмах папы Григория в частности под словами *servus*, *ancilla*, *famulus* понимать раба в собственном и юридическом смысле этого слова. Неточность папского языка оправдывалась и языком императорского законодательства, которое тоже в данное время не видело большой разницы между рабами и адскрипциями. Напомним Юстиниановскую конституцию: *quae etenim differentia inter servos et adscriptitios intellegetur, cum uterque in domini sui positus est potestate*.⁶ Но несмотря на эти оговорки, все же следует признать несомненным, что в церковных имениях применялся и настоящий рабский труд, так как Григорий много раз говорит в своих письмах о продаже рабов⁷ (*debeat mancipia comparare. Et ideo et bono pretio et talia debeat comparare*). Такие операции предполагают фактическое

¹ Greg. Epist. I, 42.

² Ibid., II, 38.

³ Sickel. Liber diurnus, p. 43.

⁴ Greg. Epist. IX, 19.

⁵ Cod. Just. XI, 47, 24.

⁶ Ibid., 48, 21.

⁷ Ibid., VI, 12; I, 39; о даре рабов, IX, 123.

и юридическое рабство.¹ Рабы заняты обработкой полей (*ex colonatu illius fundi, de familia illa*), но часто они отторгаются от имения, продаются или обмениваются. В *Liber Diurnus* имеются два правила о продаже или обмене рабов.² Раб — *puer* — оценивается по своей квалификации (*artifices et ministeriales non ejusdem estimationis erant contra rusticum vel colonum*).

Что касается колонов, то они были в церковных имениях папского престола наиболее многочисленным классом производителей. Многочисленные упоминания о них Григория изображают обычное положение колонов, как оно характеризуется законодательством поздней империи, но не лишены любопытных деталей. Григорий в своих письмах не отрицает, что колоны, с юридической точки зрения, свободны.³ Колону предоставляется участок земли, на котором он ведет самостоятельное хозяйство, самостоятельно продает свой урожай.⁴ Колон получает вознаграждение за работу, производимую вне того поля, к которому он был прикреплен.⁵ Колоны различаются между собой по своему имущественному достатку.⁶ Но значительная часть продукта его труда отбзрается эксплуататорами. Кроме государственного налога, он платит оброк, который обозначается словом *tributum*, внося его арендатору имения.

Рента, по письмам Григория, уплачивается колонами натурой, но доставляемая в натуре рента всегда оценивается в деньгах по рыночной стоимости.⁷ Если в африканских имениях римской эпохи колоны были обязаны отдавать $\frac{1}{3}$ урожая, то письма папы не указывают размера ренты. В письмах церковные земли почти всегда оцениваются количеством *modii* зерновых продуктов, которые колоны должны были за них вносить ежегодно.⁸ Отсюда можно заключить, что колоны Римской церкви должны были платить не определенную часть урожая, а раз навсегда установленную (в точном количестве хлебных и других продуктов) ренту. Можно считать, что и на папских землях условия колонских держаний были весьма разнообразны и определялись местным обычаем (*secundum consuetudinem loci*). Из некоторых современных источников мы можем составить себе приблизительное представление

¹ Sickel. *Liber Diurnus*, p. 27—30.

² Forma XXXVI и XXXVIII, *ibid.*, 37.

³ Greg. Epist. IV, 21; 1, 2.

⁴ *Ibid.*, I, 42.

⁵ Greg. Epist. IX, 43.

⁶ *Ibid.*, I, 42; 1, 65.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.*, IX, 37.

и о величине взимаемой там ренты. В окрестностях Рима господствующей формой являлось половничество, но не в виде платежа половины или $\frac{1}{3}$ продуктов, а чаще всего $\frac{1}{7}$ или $\frac{1}{10}$ урожая зерна и льна, $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ части винограда¹ (*sub reditu de omni labore modio decimo, lino manno decima, sol. mancosum unum*;² *sub reditu de omni labore modio decimo, vino artore quarta*). Встречаются случаи и платежа деньгами (*sub pensione denariorum octo*).³ Иногда дается комбинация натуральных и денежных платежей: с хлеба и льна $\frac{1}{10}$ часть, а с вина то или другое количество солидов. В редких случаях заходит речь о поставке определенного количества оливок, винных ягод, яблок и выделанных из конопли тканей — полотнищами в 10 шагов с человека. Часто указано только число модиев хлеба без объяснения того, какую часть урожая представляют эти модии.

В восточных провинциях империи церковные колонны уплачивали марту, которая составляла $\frac{1}{6}$ часть урожая,⁴ а в VIII в., по данным Земледельческого закона, равнялась простой десятине, как это подтверждается и документами позднейшего времени,⁵ но египетские папирусы показывают, что тамошние колонны были обременены гораздо более тяжелыми поборами.

Так, в *Raryugus Giessen*, относящемся к VI в., неизвестный крестьянин снимает на 10 лет монастырский виноградник со всем оборудованием, обязывается аккуратно выполнять все земледельческие работы (*χειρική ἐργασία, βοτανολογία, χαλαμοουργία, περίσκαψιν πέμπτων καθ' ἔτος ποιῆσαι*). Урожай делится пополам, причем свою половину арендатор делит с сидящим на земле церковным энапографом (*μετὰ τοῦ ἐκείσε γεωργοῦ*), составляющим живой инвентарь монастыря.⁶

Но, кроме государственных повинностей и ренты церкви, церковные колонны были обременены и другими повинностями. Колонны обязаны доставлять на господский двор или сохранить в своих амбарах причитающиеся к сдаче продукты: *Deductum totum per nos colonos in civitatem arimini et ibi salvare debeamus in casa et in vasis nostris usque dum missus venerit ad tollendum*,⁷ или доставить эти продукты в господское имение.

¹ Fantuzzi Monumenti Ravennati I, 19.

² Ibid., I, 18.

³ Ibid., I, 19.

⁴ Du Cange. Glossarium graecitatis, sub. v. μάρτη; Васильевский. Труды, т. IV, стр. 204.

⁵ Zachariae. Geschichte d. Griech. Röm.-Rechts, 238, 241.

⁶ P. Giessen, 16.

⁷ Fantuzzi. Monumenti Ravennati I, 17.

Письма Григория показывают ряд злоупотреблений, которые позволяли себе кондукторы по отношению к колонам.¹ Они вынуждали колона вносить причитавшийся с него сбор еще до реализации урожая. Это заставляло колона обращаться к займу, и можно представить себе, что ссуда на кабальных условиях охотно производилась самим кондуктором. Но кондукторы позволяли себе и другие злоупотребления. В одном письме Григория говорится о кондукторе Феодосии, который, получив с колонов *burdatio*, равнявшееся 507 солидам, присвоил его себе.² Колонов принудили было платить вторично, но Григорий заставил Феодосия вернуть присвоенные им деньги. Обычный устав определял для каждого колона количество „мер“ подлежащего с него сбора, не устанавливая точно емкость этих мер. При этом кондукторы произвольно увеличивали размер употреблявшихся в имении мер: *ad majorem dare compelluntur, quam in horrea ecclesiae infertur*. Вместо модиев в 16—18 секстариев, которые были легально установлены, произвольно вводились в употребление более значительные, в 20—25 секстариев (*Praecipimus et usquam decem et octo sextariorum modios nunquam a rusticis ecclesiae debeant accipere*). Все это показывает, как непрочно и необеспечено было фактическое положение колонов. В тексте данного письма не упоминается ни о полевых работах на господской земле, ни о барщинах. Но это еще не доказывает, что подобные повинности вообще не ложились тогда на колонов. Несомненно, кроме уплаты ренты-налога, колоны выполняли и ряд других повинностей в пользу местной церковной администрации, о которых, к сожалению, мы знаем очень мало. Эти повинности состояли частью в деньгах (*excerpta vilicilia*); упоминаются *angariae*, которые отбывают колоны.³

Колоны в VI в., как и в V в., не имели права сходить с церковной земли. „Не допускается, — предписывает Григорий одному из управителей церковных имений, — чтобы колоны покидали имение, к которому их привязало и подчинило рождение. Мы никогда не позволим, чтобы они жили вне имения, где родились“ (*Nunquam consensus noster illi aderit ut foris de massa ubi nati sunt habitare debeant*).⁴ Колоны были также лишены права заключать браки вне пределов имения, в котором они обитали. Григорий возвысил одного из своих колонов до занятия важной должности в административной иерархии церкви и тем самым дал ему право выйти из пределов

¹ Greg. Epist. I, 42.

² Ibid.

³ Ibid., V, 7.

⁴ Ibid., XII, 25.

имения, к которому он был раньше прикреплен. Однако этот человек не переставал быть колоном и принадлежать к церковной земле, поэтому и его сыновья оставались прикрепленными к имению. Папа напоминает, что этот человек не имеет права „женить своих сыновей на стороне“. „Они должны заключать браки в пределах имения, в котором родились“. Мало того, колоны, обитавшие в имении, не имели права заключать браки без разрешения господина, а последний взыскивал за такое разрешение особую плату.

На колонов налагался особый свадебный налог — *commodum nuptiale*, входивший в состав доходов собственника или в число прав съемщика, когда церковь передавала ему свои права. При этом открывался новый повод для несправедливых поборов. До сведения Григория дошло, что некоторые кондукторы в подобных случаях чересчур высокие суммы, и он постановил, что налог не должен превышать 1 солида, сумма отнюдь не малая для колона: *Pervenit etiam ad nos quod de nuptiis rusticorum immoderata comoda percipiuntur, de quibus praecipimus ut omnia comoda nuptiarum unius solidi summam nullatenus excedant.*¹ Дальнейший текст показывает, что сбор *nuptiale commodum* не вносился в церковную казну, а поступал кондуктору.

Все усиливающаяся лангобардская угроза и опасение восстаний колонов побуждали Григория к известной осторожности в эксплуатации колонов. Но, как показывают многие его церковные распоряжения, по своей программе и тактике, по своей религиозной нетерпимости Григорий ничем существенно не отличался от других церковных сановников. Так, он посылает епископу сардинскому послание, в котором грозит ему наказанием за небрежность в деле обращения рабов-язычников, живущих на церковных землях, в христианство. Он рекомендует уменьшать оброк для обращающихся в христианство иудеев, насколько можно это сделать без вреда для церковных доходов, чтобы побудить их обратиться в христианство. По отношению к колонам, которые оставались язычниками, Григорий рекомендует введение оброков более тяжелых, „чтобы они почувствовали себя более обремененными“. Если на церковных землях живут рабы-язычники, то их следует „вразумлять“ побоями и мучениями, а если свободные язычники, то, не ограничиваясь увеличением оброков, следует содействовать их обращению строгим одиночным заключением.² Для нас эти распоряжения важны в том отношении, что они лишний раз показывают, как бесправны были церковные колоны перед папской администрацией.

¹ Greg. Epist. I, 42.

² В. В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. т. III, стр. 98.

Письма папы знакомят нас с положением церковных колонов папских владений, но едва ли правовое и экономическое положение церковных колонов восточных провинций империи существенно отличалось от положения колонов римской церкви. Феррари доказал, что формы средневековых греческих документов Южной Италии идентичны с теми, какие употреблялись в восточных провинциях империи.¹

Согласно выводам Феррари, от Смирны и Константинополя, от Патмоса и Корфу — до Бари, Мессины и Равенны, существовала единая форма составления частных актов. Но не только форма составления этих актов была единообразна, единообразны были и законы церковные и гражданские, на основании которых составлялись эти акты. Поэтому и порядки на церковных землях римских пап VI в. в Южной Италии, Иллирике, Сицилии едва ли существенно отличались от порядков на церковных землях остальной территории империи, и ознакомление с положением колонов Римской церкви поможет нам лучше уяснить положение непосредственных производителей на церковных землях остальной территории Восточной империи.

Источники показывают, что и в восточных провинциях церковная администрация была облечена широкими полномочиями по отношению к своим колонам. Провинциальная администрация, повидимому, даже была лишена права пребывания на территории церковных имений. В VIII конституции о викарии Ponticae diocesis Юстиниан дает викарию специальное разрешение для борьбы с патронажем посещать все имения и селения, кому бы они ни принадлежали (*omnibus locis vicis sive sanctissimorum sunt monasteriorum, sive sanctorum sacrorum nostrorum privatorum aut sacri patrimonii, aut nostrae domus et generaliter dicere nullum locum foras ejus jurisdictionis relinquentibus*).² Если для викария Понта потребовалось это специальное разрешение, то, очевидно, раньше провинциальная администрация не могла даже появляться в церковных и монастырских имениях. Действительно, папирусы показывают, что целые селения в Египте были подчинены монастырской администрации, причем она обладала известными судебными полномочиями по отношению к своим колонам. Так, Авраам, протокомет (*μειζων*) одного из селений, находящихся под монастырским управлением, обращается к монастырскому начальству с сообщением, что два брата

¹ Documenti greci medievali di diritto privato dell'Italia, meridionale e loro attinenti con quelli byzantini d'Oriente e con papiri greco-egyzi. Byzant. Archiv, IV.

² Novellae, ed. Schall-Kroll VIII, c. II, p. 768.

умершего Эноха обратились к нему, старосте, с просьбой разрешить их спор с вдовой покойного. Староста запрашивает, разрешит ли монастырская власть сама этот спор в городе или уполномочит Авраама разрешить спор *κατὰ τὸ ἔθος τοῦ κτηράτος*.¹

Внутренний строй и управление земельных владений церкви характеризуются разнообразием способов пользования церковью своими земельными имуществами. Главные виды такого пользования были следующие: 1) одни земли и имущества церковные учреждения удерживали в своем непосредственном владении и пользовании и вели на них самостоятельное хозяйство; 2) другие земли отдавали разным лицам в краткосрочную аренду; 3) очень крупная доля церковных земель отдавалась частным лицами в держание на так называемом эфитевтическом праве.

На землях римского папы имелось собственное хозяйство, и не все *saltus* и *fundi* сдавались в аренду. Григорий говорит о собственных стадах Римской церкви в письмах, адресованных ректору Петру. Но не только велось самостоятельное пастбищное хозяйство; после продажи стад освободившиеся пастухи направлялись на обработку земли *ut ex cultura terrae ferre aliquid utilitatis possint*.

На Востоке, в Египте, как показывают папирусы, монастыри в значительной степени ведут самостоятельное хозяйство в ряде пунктов: в Табеннеси, Сохаге и других местностях. Монастыри здесь становятся владельцами обширных земель и многочисленных ремесленных мастерских, ведут оживленную торговлю, приобретая большое значение в экономической жизни страны. Их земельные владения быстро увеличиваются как путем дарственных и духовных завещаний разных жертвователей, так и благодаря приобретениям. Земля церковных учреждений была разделена на parcelлы и обрабатывалась колонами и монахами.

Монастыри вели оживленную торговлю изделиями своих монастырских мастерских и продуктами сельского хозяйства, разводили в большом количестве виноградники и продавали много вина. Крупную часть монастырских доходов доставляли различные мастерские. И тексты и археологические находки показывают, что монастыри изготовляли ткани, кожаные и металлические изделия, веревки и канаты. Особым видом монастырской продукции являлись всевозможные амулеты и предметы, изготовлявшиеся специально для продажи многочисленным паломникам, приходившим в монастырь: крестики, иконки с „чудотворными“ изображениями, колечки, небольшие сосуды для „святой“ воды и т. п.

¹ ВГУ I, 103.

Но на земельных угодьях церкви самостоятельное хозяйствование церковных учреждений (кроме монастырей) было незначительно. Как уже видно из выше цитированного письма папы Григория I,¹ самостоятельное хозяйствование редко удавалось церкви. Поэтому папы предпочитали сдавать свои земли в аренду. В текстах юридических памятников, предшествующих правлению Юстиниана, в надписях IV—VI вв., в равенских актах² мы имеем прямые указания на кондукторов церковных имений. В их лице выступают арендаторы, заключавшие с церковью арендный договор на определенный (довольно короткий) срок. В различных конституциях кодекса Феодосия термины *conductor* и *conductio* противопоставляются выражениям, обозначающим наследственную и постоянную аренду. Таким образом, *conductores* церковных имений — несомненно временные арендаторы.

Из писем папы Григория I мы можем сделать вывод, что огромные владения римских пап в большей части были разделены на патримонии. Во главе администрации каждого патримония стоял церковный чиновник, называемый ректором. Среди этих патримониев мы лучше всего знакомы с патримонием Сицилии и ректором этого патримония, иподиаконом Петром.³

Управитель патримония был главой церковной администрации. Он заботился о том, чтобы ренты с колонов были взысканы полностью, выбирал кондукторов и контролировал их деятельность, представлял Римскую церковь в процессах, которые она вела с соседними крупными собственниками. Ректор патримония собирал все взносы, полагающиеся церкви, — как деньги, так и хлеб, направляемый им в Рим. В его руках сосредоточивались все нити управления и отчетности данного патримония. В его подчинении находились агенты папской администрации — *actionarii*, *notarii*, *defensores*, являвшиеся его помощниками. По объему деятельности ректора папского патримония можно сравнить со старыми *procuratores saltus* или *rationales rei privatae*.

Патримоний, по письмам Григория, как и старинный *saltus*, образовывал особую территорию, независимую от территории и управления городской *civitas*. Если в императорских доменах рядом с колонами имелся крупный арендатор, перпетуарий или эфитевт, который брал в аренду совокупность домена; если постоянный арендатор — *conductor perpetuarius* — или эфитевт были там синонимами, то в имениях Римской церкви при Григории I дело

¹ Greg. Epist. II, 33.

² Marini. Papii diplomatice.

³ Greg. Epist. I, 42.

обстояло иначе. Письма Григория говорят много раз об имениях сданных эмфитевтам, и многократно также о кондукторах имений. Но эмфитевты и кондукторы являются не одной и той же социальной категорией. Эмфитевты церковных земель никогда не называются кондукторами, и с другой стороны, имения, в которых мы находим кондукторов, не эмфитевтические имения. Эмфитевт Римской церкви — обычно знатный человек, получивший по договору церковный домен на весьма длительный срок и платящий за свое держание ренту — *pensio*. Его права и обязанности суть те, которые вытекают из права эмфитевзиса. Кондуктор в письмах Григория — совершенно особое лицо. При Григории имения Римской церкви были разделены на известное количество округов, называемых *condumae*. Во всякой *conduma* находился кондуктор (по Моммсену, патримоний Римской церкви и Сицилии заключал в себе 400 *condumae*). Основная функция кондуктора состояла в собирании ренты, причитающейся папскому престолу (частью в натуре, частью деньгами), а также государственных налогов. Обычно эмфитевт самостоятельно устанавливал отношения со своими колонами в качестве *quasi dominus*. Поэтому папу мало беспокоило то, что происходило на эмфитевтических землях. Его главное внимание было устремлено на деятельность кондукторов в *condumae*, которые Фабр в статье о колонах Римской церкви в VI в.¹ характеризует как отдельные хутора, входящие в состав *massa* или *fundus*, как совокупность известного количества земельных держаний. И Моммсен и Шультен, анализируя письма Григория, приходят к выводу, что кондукторы римских церковных имений были „маленькими людьми“, зависимыми, как и сами колоны, не имевшими других обязанностей, кроме собирания ренты, которых управители патримониев использовали исключительно для этой цели.

Таким образом, папская администрация крепче держала в своих руках нити хозяйствования, чем большинство восточных церквей, и эмфитевзис здесь не получил такого распространения, как на Востоке.

Папа Григорий I старался избегать использования церковных земель на эмфитевтическом праве, так как эмфитевзис и аренда значительно отличались по своей выгодности для церкви. *Conductio* был договор, заключенный между церковью и кондуктором, в котором как церковь, так и кондуктор находили выгоду (*ita ut suos conductoribus labor sit utilis et ecclesiae procuretur utilitas. Liber diurnus form; XXXV*). В эмфитевзисе Римская церковь видела

¹ Revue d'histoire et de littérature religieuses. 1896, I, 74.

благодеение для эмпитевта, и речь шла только о том, чтобы церковь при этой операции несли поменьше ущерба (*si ecclesiae utilitas non decrescat*). Но так как земли Римской церкви не могли продаваться, а церковь часто была вынуждена вознаграждать кого-нибудь за службу и заслуги, то она вынуждалась передавать на длительный срок эмпитевту доходы имения, оставляя себе не ренту, а подобие ренты в знак своего верховного права на данное имение. Так, папа Григорий уступает нотарию *Casale aurelianum* на время его жизни *ut exinde possit aliquid habere remedium*.¹

Иначе было на Востоке. Как показывает законодательство Юстиниана, здесь преобладающей формой использования церковных земель явилось эмпитевтическое держание, так же как на императорских землях эмпитевты были долгосрочными держателями, выплачивавшими церкви известную ренту и в остальном пользовавшимися почти полными правами собственности.

В Египте наряду с монахами и церковниками, как показывают папирусы, монастырской собственностью часто управляют светские лица, знатные особы. Они же являются держателями монастырских и церковных земель, особенно в качестве эмпитевтов.² Из папируса *Cairo* (2, 67138), представляющего дежурный отчет по имению комита Аммония, мы видим уплату им монастырю в Афродито ежегодно в среднем по 400 артаб. Комит Аммоний являлся эмпитевтом крупного участка земли, принадлежащего монастырю. В другой работе мы уже имели возможность показать, как выгодно было для комита Аммония это держание.³

Эти факты подводят нас к выяснению характера взаимоотношений между крупным светским и церковным землевладением. Землевладельцы были светские (сенаторы, ктиторы) и духовные (церкви и монастыри). Последние составляли конкуренцию первым со времени Константина, и при Юстиниане она стала даже опасной для аристократии, так как правительство в поисках более надежного и выгодного для государства помещения земель начало усиленно раздавать землю церквам и монастырям, иногда отнимая их у прежних владельцев. На этой почве могли возникать между церковным и светским землевладением конфликты, отголоски которых мы находим у Прокопия.

Прокопий говорит о Юстиниане: „В вере христианской он считал себя твердым, но и это (как и всё) у него служило на погибель его подданным. Церковнослужителям он позволял с полной безна-

¹ P. Fabre. De patrimoniis Romanae ecclesiae, 10.

² P. Охуг. 1894; P. Klein. Form. 271, 13.

³ Византийский сборник, М.—Л., 1945, стр. 88.

казанностью совершать насилие над своими ближними, и если они грабили своих соседей, он неизменно оказывал им свое сочувствие и поддержку, считая, что этим проявляет свое богопочтение. Он считал, что действует благочестиво, если выносит такие решения, по которым кто-либо из церковнослужителей, под предлогом интересов церкви, захватив насильственно что-либо из не принадлежащего ему, уходил с суда, выиграв дело. Справедливость он полагал в том, чтобы церковнослужители оказывались всегда победителями своих противников. И когда он сам захватывал незаконным образом состояние живых или умерших и тотчас же жертвовал какому-нибудь храму, он гордился этим, с одной стороны прикрывая таким покровом будто бы благочестивых деяний свои преступления, а с другой стороны — для того, чтобы отнятое имущество не могло вновь вернуться в руки тех, кто подвергался такому насилию¹. Таким образом, Прокопий обвиняет Юстиниана в том, что он поощрял церковнослужителей в насильственных захватах чужих владений и жертвовал церкви конфискованное казной имущество, чтобы оно никогда уже не могло быть возвращено прежнему собственнику.

Не чужда была захватнических тенденций и Римская церковь в конце VI в. По крайней мере в инструкции, данной папой иподиакону Петру, управляющему патримонием Сицилии, папа Григорий I писал: „Дошло до меня, что при дефензоре Антонине в последнее десятилетие Римской церковью совершено много насилий, так как многие открыто жалуются на насильственный захват их владений, увод рабов, даже отнятие движимого имущества не судом, а силой. Я хочу, чтобы твоя опытность все это внимательно рассмотрела, и все, что насильственно было захвачено в это десятилетие и несправедливо удерживается именем церкви, на основании моего настоящего решения было возвращено бывшим собственникам“². Григорий требует возвращения господам их рабов, даже если те добровольно перешли в церковное рабство. Под угрозой анафемы он требует, чтобы никогда *tituli* Римской церкви не накладывались на чужие имения как городские, так и сельские.³ Очевидно, что насильственные захваты церковниками чужих имений в Сицилии имели действительно место и вызвали столь сильные жалобы, что потребовалась специальная инструкция папы.

Но источники все же дают нам гораздо больше данных для характеристики церкви как потерпевшей стороны, страдающей от насилий и захватов динатов. Об этом говорит прежде всего

¹ Procopii *Historia arcana*, XIII, 4—7.

² Greg. *Epist.* I, 39.

³ *Ibid.*

правительственное законодательство. Оно много раз констатирует, что церковные богатства расхищаются динатами, что они вынуждают клириков силой продавать им церковные земли или отдавать их дичатам в долгосрочное держание на невыгодных для клира условиях. Оно обвиняет церковные власти в том, что они, угождая знатым особам, взимают с них уменьшенную ренту и передают земли в наследственное владение этим эфтитевам.

Много текстов из правительственных законов, хроник, папирусов, надписей показывает, что церковными богатствами в V—VI вв. в Византии стремились воспользоваться не только клирики, но и светские архонты. Коррупция правительственных чиновников, продававших правосудие за деньги, обременявших налогоплательщиков всякими поборами,¹ насилия земельных магнатов, содержащих в своих имениях банды вооруженных людей и при их помощи грабивших даже императорские имения и вынуждавших клириков силой продавать им церковные земли или уступать их в аренду на продиктованных ими же условиях,² не могли не затрагивать церковное землевладение. Страдали церковные земли и от грабежей проходящих войск, проход которых являлся тяжелым бедствием и для церкви.³ Воины вымогали у налогоплательщиков, вместо причитавшихся им по закону натуральных поставок, крупные суммы денег, водворялись в лучших помещениях собственников и жили за их счет. Хроника Ишо Стилита показывает, что „готы“, занявшие Эдессу во время войны с персами при Анастасии, бесцеремонно обращались с церковниками и церковным имуществом, не обращая никакого внимания на предоставленные клирикам законом привилегии.⁴

Священники и куриалы, земельные собственники и ремесленники при Юстиниане стекались во множестве в Константинополь, „теслились, стеная, у подножия императорского трона,⁵ жалуясь на несправедливости динатов и магистратов, на отнятие у них всего имущества, так как никого вокруг них нет, чтобы помешать этим преступлениям“ (*Omnes lacrimantur et res suas ablatas esse queruntur quoniam nemo in propinquo est, qui talia prohibere possit*).⁶

Несомненно, что обширные церковные владения были для магнатов постоянным соблазном. Они стремились овладеть ими силой

¹ Nov. 8, praef.

² Nov. 30, 7, Ed., 8, praef.; Nov. 17, 13, 14, 65, praef.

³ Cod. Just. XII, 35, XVIII, 4—5.

⁴ Iso Styl, ed. Wright, 85.

⁵ Nov. 8, praef.

⁶ Nov. 30, 5.

или заставить церковников „добровольно“ их уступить. То магнаты насильственно вступали в церковные владения со своими вооруженными людьми, то привлекали к себе церковных колонов обещанием патроната,¹ то вынуждали епископов продавать им церковные земли.² Таким образом, церковные земли переходили незаметно и по низкой цене в руки частных лиц.³

В новелле 65, обращенной к правителю Мизии, разрешая продавать церковное недвижимое имущество для выкупа пленных, Юстиниан пишет: „Епископу города Одиссы было запрещено продавать церковное имущество, чтобы кто-либо из динатов не вынудил у него передачи ему церковного имущества за бесценок“ (*Sed etiam hoc in nostram venit memoriam, quod Martino viro sanctissimo, episcopo Odissitanae civitatis formam et ante legem dedimus prohibentem eum ecclesiasticas res vendere, ne qui ex potentioribus ei necessitatem imponant secundum suum propositum res ecclesiasticas vendere*).

Очень часты были столкновения и конфликты епископов и ктиторов-динатов. Епископ не имел права назначать на церковные должности владельцев ктиторского имущества. Даже право утверждения было предоставлено ему только Юстинианом. Только в 546 г.⁴ епископу было предоставлено право замещать вакансии по своему усмотрению, когда представленная ктитором кандидатура оказывалась не удовлетворяющей требованиям канонического права. Относительно церковных учреждений ктитор-собственник мог осуществлять свои права лишь в строго определенных размерах: 1) неизменно сохранять церковное назначение учреждения, 2) становиться под административный надзор епископа, 3) осуществлять свои права только в пользу учреждения. Но нередко на деле имел место переход этих ктиторских церковных учреждений по договорам в другие руки, их купля и продажа.

О малой обеспеченности церковных земель в провинции говорит и любопытный рескрипт Юстиниана и Юстина от 1 июня 527 г., представляющий двуязычную надпись на латинском и греческом языках, найденную в Алифарадине на границе провинций Писидии и Кивиррестиды.⁵ В 527 г. духовенство оратории Иоанна вынуждено было обратиться к императору с просьбой о защите: оратория являлась собственницей довольно обширной земельной площади. Но эти земля и сидящие на этой земле колоны, свободные и при-

¹ Nov. 17, 13, 14.

² Nov. 65, 5

³ Nov. 46, praef.

⁴ Nov. 123, c. 18.

⁵ Bulletin de correspondance hellénique, 1893, p. 520.

писные, прокураторы и арендаторы подвергались различным насилиям и вымогательствам со стороны динатов, императорских чиновников, проходящих солдат, агентов внутренней охраны и войско-вой части, расположенной по соседству с церковными имениями. Некоторые из этих владений, повидимому, были даже отняты под различными предлогами. Поэтому церковники и были вынуждены обратиться к императорской защите. В надписи мы читаем: Ἀπο τε καὶ ἄλλως ἀζημίους προσήκει τοὺς ἡμετέρους φυλάττεσθαι συντελεστάς μάλιστα τὰς κτήσεις τὰς τῷ σεπτῷ εὐκτηρίῳ τοῦ Ἁγίου Ἀποστόλου Ἰωάννου προσηκούσας ταύτης τῆς προνοίας ἀπολαύσαι χρή. Καὶ διὰ τοῦτο τὰς φερομένας ἐν τὰς εὐκτηρίας κτήσεις καὶ τοὺς τούτων γεωργοὺς καὶ ἐναπογράφους καὶ φροντιστάς καὶ μισθωτάς ἀβλαβεῖς μένειν ἀπὸ τῶν στρατιωτῶν παρόδου ἢ βιωκολυτῶν ἀπὸ τε τούτων τῶν ἀριθμῶν οἵτινες πλησίον τούτων τῶν κτήσεων εἰδρῦμενοι γινώσκοντε μηδενὸς ἐκ τούτων τολμῶντες οἰαδῆποτε Ζημία ἐξ οἷας οὖν προφάσεως τούτους σύντριβιν.

Рескрипт удовлетворяет все жалобы церковников: будет произведено следствие по их жалобам, и если они будут признаны правильными, то консуляр провинции обеспечит императорской защитой людей и земли оратории святого Иоанна и возвратит церкви все отнятые у нее владения. Строгие меры угрожают всем, кто нарушит императорские предписания; император уничтожает заранее всякую привилегию, которой будут прикрываться захватчики церковных владений ὄντινα τύπον τῆς ἡμετέρας θεότητος ὁ λαμπρότατος ἀρχῶν τῆς ἐπάρχιας μετὰ τῆς εἰδίας τάξεως ἅπασιν τρόποις παραφυλάττεσθαι φρονιτεῖ βαρυτάτης ποινηῆς οὐδαμῶς ἐλλιφούσης κατὰ τῶν προπετευομένων κατὰ τῶν ἡμετέρων βασιλικῶν ψήφων πάσης συναρπαγῆς ἀπὸ τῶν ἐναντίων κατασκευαζομένων.

В новелле 7 Юстиниан прямо обвиняет церковные власти в том, что они, угодничая перед знатными эфитевтами, взимали с них уменьшенную ренту, гораздо ниже фактического дохода, и передавали церковные земли в наследственное владение этих эфитевтов: καὶ ἡλάττωσαν πόλλῳ τὸ ποσὸν τῆς ἀληθοῦς πρόσόδου ταῖς ἐμφυτευταῖς χαρίζομενοι. Поэтому, по словам новеллы, многие весьма ценные подгородные имения, которые имеет Константинопольская церковь, приносят ничтожный доход или не приносят никакого (с. XI: εἰ δὲ τινὸς ἐκκλησιαστικοῦ προαστείου τῶν πολιτικῶν ἐμφύτευσις διδοῖτο ὅποια πολλα μάλιστα κατὰ ταύτην ἴσμεν τὴν εὐδαίμονα καθεστάναι πόλιν πολλῆς μὲν ἀξία τιμῆς ἐλάχιστην διαφέροντα πρόσοδον ἢ οὐδὲ πρόσόδου ὅλως). Эти официальные императорские новеллы показывают, что potentissimi являлись держателями очень значительной части церковных земель, так же как и императорских доменов, притом на выгодных для себя условиях. У отцов церкви, жалующихся на

нравственный упадок и коррупцию епископата в V—VI вв., мы можем найти красочный материал, показывающий, как далеко зашла коррупция правящих верхов Восточной церкви V—VI вв., как легко они могли приносить интересы церкви в жертву своим личным интересам и как пресмыкались клирики перед знатными и сильными людьми.

„Пастыри по отношению к слабым, — говорит Григорий Назианзин, — как львы, а по отношению к сильным — как собаки, всюду сующие свой нос и пресмыкающиеся чаще у дверей людей влиятельных, нежели у дверей людей мудрых“.¹

Больше всего забот прилагают они, чтобы у них были хорошие повара и искусно приготовленные столы.² Во взаимных отношениях между епископами господствовали вражда и зависть. Тот же Григорий пишет: „Одни из них состязаются за святые престолы, восстают друг против друга, поражают и поражаются бесчисленными бедствиями. Они говорят мне „мир“ и хвалятся кровью. Предлогом споров у нас святая Троица, а истинной причиной — невероятная вражда“.³ „На словах, — говорит Григорий в другом месте, — только и слышишь от пастырей о попечении душ, а на деле они больше всего заняты сборами и поборами с своих пасомых“.⁴

О прогрессирующем нравственном упадке высшего духовенства красноречиво свидетельствуют деяния епископа эфесского Антонина⁵ и обвинения, предъявленные на Халкидонском соборе Диоскору Александрийскому и Иве Эдесскому.⁶

Провинциальное духовенство стремилось всячески подражать столичному. В этом отношении имеют большую цену письма Исидора Пелусиота, хотя они изображают быт и нравы духовенства небольшого, мало известного провинциального города.⁷

Легальным средством захвата церковных имений для динатов являлось преимущественно эмфитевтическое держание, т. е. такая форма держания, которая часто по существу была равносильна отчуждению и оставляла за церковью лишь видимость собственности.⁸

В Юстиниановском законодательстве по сроку эмфитевтического договора различались временный эмфитевзис и вечный. Временный

¹ Творения Григория Назианзина, т. IV, стр. 47.

² Там же, стр. 12.

³ Там же, т. VI, стр. 79—80.

⁴ Там же, стр. 18—20.

⁵ Migne. P. atr. Gr., t. 47; P. II. Dial. hist., pp. 47—48.

⁶ „Деяния вселенских соборов“, III, стр. 257.

⁷ Творения Исидора Пелусиота, т. I, стр. 106, 151, 321, 441.

⁸ Византийский сборник, стр. 87.

эмфитевзис, равно как и аренда, не считались за отчуждение церковного имущества и относились к группе *ἐκδόσις*. Но относительно этого рода договоров замечалось постепенное увеличение максимально допустимого законом срока. Анастасий еще не допускал наследственного эмфитевзиса. Максимальный срок при нем — пожизненный. Но Юстиниан сначала для Константинопольской церкви, а затем и для всех других церквей узаконил эмфитевзис на срок жизни эмфитевта и двух непосредственных его преемников. В новелле 120 указанный срок уже не представляется максимальным, а является нормальным. Здесь также нет оговорки, что преемниками эмфитевта должны быть его наследники по закону. Такое удлинение срока держания вполне, как мы видели, объясняется экономическими условиями времени и экономической выгодностью долгосрочного держания по сравнению с краткосрочным. В дальнейшем практика покончила и с теми из ограничений, какие еще оставались в законодательстве Юстиниана.

При всяком эмфитевзисе вошло в обычай по окончании срока эмфитевзиса передавать его прежнему владельцу или его наследникам, взимая только единовременный взнос, так называемый *εἰσδέκτηκον*. Величина исдектики не была установлена законом и определялась каждый раз усмотрением управляющего церковным имуществом. При Льве Философе предписывалось взимать исдектику в размере двойного канона в пользу учреждения.¹

Борясь против этих злоупотреблений церковных властей, угодничавших перед знатными эмфитевтами, Юстиниан предписывает эмфитевтические договоры заключать только на трех лиц: на лицо, заключающее договор, и на двух его наследников, причем эмфитевтам не должна делаться скидка свыше $\frac{1}{6}$ канона, получаемого в момент заключения договора.² *καὶ μὴ περαιτέρα αὐτοῦ τοῦ ἐμφυτευομένου, καὶ δύο ἐξῆς κληρονόμων καὶ μὴ κομίζῃεν πλεον τοῦ ἐκτοῦ μέρους τοῦ σωζομένου κανόνος ἐν τῷ καιρῷ τῆς ἐκδόσεως.* До этого бывали случаи, когда скидка достигала $\frac{5}{6}$ канона. Если церковное имущество потерпит ущерб со стороны эмфитевта, договор расторгается, эмфитевт изгоняется и платит за причиненный им ущерб.

В то же время сам Юстиниан требует, чтобы церковные земли сдавались в эмфитевзис только лицам имущим и состоятельным, так как только они могут восстановить прежнее состояние этих имуществ (*Μόνοις εὐπόροις δὲ τὰ ἐκκλησιαστικά ἐμφυτεύειν διὰ τὴν ἀποκατάστασιν τῆς ὀψέως*).

¹ Nov. 13. Leonis.

² Nov. VII, c. XI.

У нас нет никаких данных, показывающих, что после Юстиниана произошло какое-либо изменение в порядке использования церковных имений. Наоборот, эмфитевтическое держание распространяется широко даже на землях римского папы. После Григория I и в римской церкви стали преобладать эмфитевтические держания церковных земель знатными лицами на длительные сроки: на 29 лет,¹ на 32 года,² на время жизни эмфитевта, сыновей и внуков его. Источники говорят, что „последующие понтифексы отошли от мудрости Григория I“.³ Эмфитевзис вытеснял *conductio* и в римской церкви. В письмах преемников Григория I об управлении патримониями теперь чаще упоминаются эмфитевты, чем кондукторы, в связи с чем стоит и уменьшение доходности папских земель.

Только на соборе 787 г. было принято решение впредь не отдавать церковных земель знатым, богатым держателям, и у собора для этого решения были достаточно веские основания. Иконоборческое движение было направлено против монастырей и монастырских имуществ. Иконоборцы стремились закрыть все монастыри и отобрать в казну монастырские имущества. Хотя это мероприятие и не было проведено вполне, все же оно нанесло сильный удар монастырскому землевладению. Большая часть монастырского достояния попала в руки византийских архонтов, но иконоборчество содействовало и усилению мелкого крестьянского землевладения.

Решения собора 787 г. о восстановлении иконопочитания достаточно ясно показывают, кого монахи и церковники считали главными захватчиками монастырского достояния. Было постановлено, что светские лица, захватившие в несчастное для церкви время ее достояние, т. е. имущества монастырей, епископий и разных богоугодных учреждений, должны возвратить их обратно под страхом церковного отлучения. Возвращения церковных земель собор не осмелился потребовать, и земли не были возвращены. Зато на будущее время, чтобы предотвратить дальнейший захват церковных земель знатными и влиятельными особами, было постановлено, что ни игумен, ни епископ не могут допускать передачи (*ἐκποίησις*) церковных доходных земель архонтскому лицу или какой-либо другой знатной особе (*εἰς ἀρχοντικὴν χεῖρα ἢ ἐτέρῳ πρόσωπῳ*).⁴ Даже земли, не обрабатываемые и не приносящие дохода, могут быть по решению суда передаваемы только клирику и крестьянину; если же

¹ Jaffé. E. n. 1621, 2011, 2190.

² Jaffé. E. n. 2116.

³ Fabre. De patrimoniis, p. 31.

⁴ Ralli Syntagma, c. II, 393.

крестьянин окажется подставным лицом, то имение отбирается обратно.

Церковные земли и имущества пользовались значительными налоговыми льготами. Церковные земли не освобождались от поземельного налога, но зато освобождались от крайне обременительных *munera sordida*, а в большинстве случаев также и от *munera extraordinaria*. В 412 г. в *Cod. Just.* (1, 2, 5) подтверждалось освобождение церковных земель от *munera sordida, extraordinaria et superindicta*. Подтверждалось категорически, что церковные имущества ничего не платят, кроме поземельной подати (*postremo nihil praeter canonica[m] illationem*).

В дальнейшем эти обширные льготы были, повидимому, несколько сужены, как показывает *Cod. Just.* (1, 2, 7 от 421 г.), по которым в известных случаях и церкви не освобождались от ангарий, парангарий, обозной повинности, ремонта дорог и постройки мостов. Зато некоторые церкви добивались и добились освобождения и от земельной подати, хотя право освобождения предоставлялось не иначе, как по особой новелле и распоряжению императора. Так, Феодосий II освободил фессалоникийскую церковь от подати с полей и имений, прибавив только, чтобы она не принимала под свое покровительство чужих имений, называя их церковными к ущербу государственных доходов.¹ Мы знаем, что на подобных же условиях пользовались освобождением от этой подати и церкви константинопольская и александрийская.²

Церковные учреждения могли устраивать эргастерии и беспрепятственно торговать. Всякий доход, извлеченный из церковных предприятий, должен был целиком поступать церковным учреждениям³ (*ad id quod ex eorundem ergasteriis vel tabernis conquiri potuerit et colligi, collectum id religionis existiment lucrum*).

Как явствует из новеллы 43 от 536 г., до этого времени константинопольская великая церковь и другие церковные учреждения (монастыри, благотворительные учреждения), равно как сенаторы и высшие чиновники, имели в Константинополе свои эргастерии и не платили с них никаких податей, благодаря чему, как выражается эта новелла, ремесленники должны были уплачивать подати четверо, впятеро более тяжелые.

В общем, для V и VI вв. в вопросе о налоговых льготах для церковных земель можно установить следующую закономерность: трудное положение государства вызывало уменьшение церковных

¹ *Cod. Theod.* XI, I, 33.

² *Cod. Theod.* XV, III, 6; *Nov.* CXXX, с. V.

³ *Cod. Just.* I, III, от 343 г.

⁴ Византийский Временник, том II (XXVII)

налоговых льгот; если же государство находилось в сравнительно благополучном положении или государственная власть была особенно заинтересована в расположении духовенства, то церковные земли не только освобождались от *тупега extraordinaria*, но духовенство получало и добавочные пожалования. Так, источники нам сообщают, что огромная нужда в деньгах для выплаты выкупа Аттиле легла тяжелым бременем на государственную казну, и экстренное обложение, к которому пришлось прибегнуть, не обошло и церковных имуществ, что поставило патриарха в натянутые отношения с двором.¹ Но мера эта была для правительства рискованной, что испытал на себе император Василиск. Когда в 475 г., нуждаясь в деньгах, он объявил экстренное обложение и хотел наложить руку на церковные имущества, волнение в столице разразилось бунтом, который получил вид защиты правой веры от еретика-императора. Патриарх Акакий облачился в траурные одежды и облек в траур храм Софии. Монахи и население бежали на защиту веры. Столпник Даниил, по совету Акакия, сошел со своего столпа и принял участие в народном протесте против Василиска.² Народное движение кончилось для Василиска катастрофой.

Бережливый Анастасий, которого Юстиниан обвинял в *рагса subtilitas*,³ в первые годы своего царствования был, повидимому, не особенно щедр на налоговые льготы для духовенства. В его царствование имели место случаи, когда и церковные земли подвергались *ἐπιβολή*. Но церковники с величайшей энергией выступали на защиту своих привилегий, причем в качестве ходатаев использовались знаменитые „подвижники“, вожди монашества, которые зачастую в глазах правительства и общества имели гораздо больший вес, чем церковные иерархи. В житии Саввы Освященного сообщается, что знаменитый палестинский игумен Савва явился к Анастасию с просьбой облегчить тяжелую подать (*κομφισαι*), наложенную на храм Воскресения и на владельцев (*κτήτορες*) в Иерусалиме.⁴ Сборщики налогов и синодики в Палестине, не будучи в состоянии собрать 100 литр золота с неимущих плательщиков, решили разложить эту недоимку на иерусалимских налогоплательщиков сообразно силам каждого.

¹ Nau Nestorius, p. 299.

² Malchi, frg. 7, 1.

³ Cod. Just., 2, 7, 25.

⁴ Житие Саввы Скифопольского, составленное Кириллом Скифопольским. Изд. Помяловского, стр. 288—296.

При распределении этих 100 литр были составлены списки (περισσοπραχτῶν ἀπευράφθησαν) подлежащих обложению. В эти списки попали и храм Воскресения и другие церковные объекты. Савва с величайшей настойчивостью добивался снятия этой надбавки. Ему почти удалось уже добиться согласия императора: „Император, — рассказывается в житии, — уступая мольбе и святости просителя, послал за префектом претория Зотиком и приказал вычеркнуть указанную надбавку из скриния провинции Палестины“. Однако, когда это уже было решено, надежды церковников расстроил „неправосуднейший“ Марин, правая рука Анастасия, „по попущительству божию управлявший государственными делами“. Он прибежал к императору и отклонил его от намеченного решения указанием на то, „что в святом городе живут несториане и евреи, недостойные императорских милостей“. Вмешательство Марина привело в ярость Савву, который в присутствии императора обрушился на Марина с градом упреков и угроз. „Тогда во святых отец наш Савва, — рассказывает житие, — исполнившись поистине святого духа, сказал Марину: „Перестань отклонять императора от благих намерений, прекрати войну против святых божьих церквей, откажись от корыстолюбия и низости и позаботься о себе. Если меня не послушаешь, то скоро наведешь много зла на императора и всю империю, и будешь лишен всего, и дом твой будет сожжен огнем“. Разгневанный Савва просил императора отпустить его в Палестину. Ему не удалось добиться отмены „надбавки“, но Анастасий смягчил его гнев, вручив ему 2 тысячи солидов на нужды его монастырей.

Но Савва не мог примириться со своей неудачей и в 518 г. причинил правительству большие трудности. Став во главе 10-тысячной „армии“ монахов, он вырвал у колебавшегося иерусалимского патриарха заявление, согласное с православием, обратил в бегство правителя провинции Палестины и заставил сдать перед своими антимонафизитскими требованиями племянника императора Анастасия.¹

Во вторую половину своего правления Анастасий был вынужден проявить большую щедрость к церкви. В 514 г., когда на защиту православия выступил Виталиан, и Анастасий находился в очень трудном положении, он сумел из него выбраться, сделав щедрое пожертвование на церковь — отдав в ее пользу четвертую часть сбора налога на скот с провинций Вифинии и Азии.²

¹ Там же, гл. 56.

² Malalas. Chron.. 404.

Юстиниан был щедр по отношению к церкви. Когда в 530 г. Савва явился снова в Константинополь, он был принят почти с царскими почестями. Император выслал ему навстречу на императорской галере патриарха Епифания и многих высших сановников, а сам при приближении старца сошел с трона, пал к его ногам и просил благословения.¹ Феодора сделала то же самое, и оба наперерыв старались исполнить желания монаха. Только в одном император колебался, а именно — в уменьшении налогов, и, чтобы уклониться от этого, сделал монастырям различные подарки. Но Савва проявил огромную настойчивость и добился полного удовлетворения ходатайств.

Нельзя сказать, чтобы расточение государственных средств монахам и церковникам не вызывало недовольства государственно мыслящих людей. Отголоски этих жалоб и нареканий мы находим в „Тайной истории“ Прокопия,² у Агафия.³

Еще раньше, в начале V в., языческий историк Зосим злорадно заметил, что для пользы бедняков христианские монахи довели большую часть человеческого рода до нищенства (*τὸ πολὺ μέρος τῆς γῆς ὠκεῖνταντο προφάσει τοῦ μεταδίδοναι πάντα πτωχοῖς, πάντας ὡς εἰπεῖν πτωχοῖς καταστήσαντες*).⁴ Преемники Юстиниана, когда положение государства стало особенно трудным, почувствовали, что чрезмерное умножение монашества и накопление церковных имуществ представляет большие неудобства для государства. Надежды Юстиниана, поддерживаемые духовенством и высказанные в одной из новелл (133, 5), что с умножением монашества „армия будет крепче, процветание государства больше, земледелие и торговля более цветущи“, оказались обманчивыми. Скорее дело происходило наоборот; хотя земли монастырей, как мы видели, и не были вообще свободны от прямых податей (от поземельного сбора), но все-таки они пользовались, в ущерб другим, многими привилегиями иного рода, обычно были избавлены от всяких натуральных повинностей и поборов. Но и помимо этого ущерба, а также убыли людей подлежащих военному набору, еще чувствительнее был вред, наносимый основанием монастырей и их патронатом крестьянским общинам.

Поэтому уже император Маврикий в 593 г. решил ограничить право свободного вступления в монастыри. Чтобы помешать дальнейшему уклонению от гражданских и военных обязанностей под

¹ Malalas, с. 70—71.

² Procopii Historia arcana, XIII, 4—7.

³ Agathiae Historiarum, V, 11.

⁴ Zosimi V. 325.

предложением монашества, он воспретил всем состоявшим на государственной службе чиновникам соединять со службой духовное звание и самовольно принимать монашество. Прежде всего этот закон касался людей военных, которым категорически было воспрещено поступать в монахи раньше выслуги срока службы. Закон этот, продиктованный насущной государственной необходимостью, Маврикию не удалось провести в жизнь. Церковь встретила это правительственное мероприятие страшным негодованием: против него выступил папа Григорий I с проповедью, что церковь выше государства, как вечное и божественное выше временного. „Я не могу молчать, — пишет папа императору, — так как этот закон направлен против самого бога, ибо власть над всеми людьми дана небом благочестию моих господ, чтобы помогать стремящимся к добру, раскрывать им шире путь на небо, подчинять земное царство небесному. Вместо этого вы открыто провозглашаете, что принятый в земное воинство, только окончив службу или уволенный по состоянию здоровья, может служить Христу. А Христос отвечает: „Я из нотариуса сделал тебя комитом экскувитов, из комита экскувитов кесарем, из кесаря императором, даже отцом императора. Я вручил твоей власти священников, а ты отнимаешь своих воинов от моей службы“.¹

Папа с затаенной угрозой напоминает Маврикию, что первым такой закон издал Юлиан, „о котором все знают, насколько он был враг божий“. Отсюда Маврикий мог сделать вывод, что и ему может грозить та же участь, какая постигла Юлиана. Такое же сопротивление оказало мероприятию Маврикия и духовенство других областей империи, почему Маврикий был вынужден отказаться от своего намерения урегулировать порядок пострижения в монахи и принять меры по укреплению обороны государства. Однако, если церковь отстаивала принцип свободного пострижения в монахи, она не могла удержать накопленных ею сокровищ. Ираклий, вступив на престол после свержения Фоки, нашел казну пустой и страну беззащитной. Грозная опасность со стороны Ирана вынудила правительство обратиться к церковным имуществам. Правительство Ираклия обратило на нужды обороны церковные драгоценности, сосуды и предметы культа из драгоценных металлов, щедрые дары и пожертвования императоров и частных лиц от прежних времен. Все драгоценности из церквей столицы, а вероятно также и из других городов сплавлялись на металл, из которого чеканились деньги.²

¹ Greg. Epist. III, 61.

² Theoph., 302.

Эта операция имела характер займа, так как император дал обещание возместить церкви взятые из нее ценности, но за исключением, быть может, константинопольской церкви, этот „заем“ никогда не был возвращен.

Обычно принято считать, что эта операция имела характер патриотической жертвы духовенства Византии на алтарь отечества, но источники показывают, что эта жертва дана была духовенством далеко не добровольно. По крайней мере в Александрии и Риме она натолкнулась на сопротивление — в Александрии пассивное, а в Риме активное. Житие Иоанна Милостивого сообщает: „Никита, патрикий и августал Александрии, сказал святому Иоанну, патриарху александрийскому: „Государство в бедственном положении и нуждается в денежных средствах. Вместо того чтобы беспорядочно расходовать средства, притекающие к тебе, дай их государству в общественную казну“. Патриарх отвечал: „Господин патрикий, не подобает дарить земному царю то, что пожертвовано небесному. Если ты питал такую надежду, то будь уверен, что смиренный Иоанн не даст тебе из этого добровольно ни одного гроша“.¹

Патриарх далее заявил, что уступает только перед силой, и проявил таким образом пассивное сопротивление. В Риме для конфискации папских богатств пришлось прибегнуть к военной силе в 638 г., после смерти папы Григория, когда Иракий испытывал особо острую нужду в деньгах для войны с арабами. Не признавая вновь избранного папы Северина, хартулярий Маврикий поднял против папы римское войско (*Mauricius cum quibusdam perversis hominibus incitaverunt exercitum Romanum dicentes quid prodest quod tantae pecuniae congregatae sunt in episcopio Lateranense ob Honorio papa, et miles inde is'e nihil subventum habet, dum quando et rogas vestras quas dominus imperator vobis per vices mandavit, ibi sunt a suprascripto viro reconditas*).²

Маврикий окружил Латеранский дворец, опечатав папскую казну и дал знать об этом в Равенну экзарху Исаакию (*Post triduo autem introivit Mauricius cum iudices qui inventi sunt in consilio et sigillaverunt omnem vestiarium ecclesiae sive cymilia episcopii, quas diversi christianissimi imperatores sive patricii et consules pro redemptione animarum suarum beato Petro apostolo dereliquerunt*).³

Экзарх Исаакий прибыл в Рим, захватил всю церковную казну, часть употребил на выдачу содержания войску, а остальное отослал в Константинополь (*Et post dies aliquantas ingressus est Isaci-*

¹ L. v. Neapolis. Leben d. hlg. Johannes d. Barmherzigen. 23.

² Libri Pontif., ed. Th. Mommsen, p. 175.

³ Ibid.

us patricius in episcopio Lateranense et fuit ibi per dies VIII usque dum omnem substantiam illam depraedarent. Eodem tempore direxit exinde ex ipsa substantia in civitate regia ad Heraclium imperatorem).¹

Римское духовенство назвало эту конфискацию грабежом и никогда не могло ее забыть. Этим, главным образом, объясняется резкий перелом в отношении римской церкви к монофелизму. Если Гонорий относился к монофелизму терпимо, то его преемники резко изменяют свое отношение и переходят в противоположительственный лагерь в самый критический момент, когда Византия теряла провинцию за провинцией в борьбе с арабами и предпринимала последнюю попытку ликвидировать церковный раскол, ересь монофизитов. Противники монофелизма причиняли правительству большие затруднения; оно прямо обвиняло их (во главе с Максимом Исповедником) в том, что благодаря им были потеряны Византией Египет, Пентаполь и Африка (*Ex his quae fecisti cunctis factum est manifestum, quod odio habeas imperatorem et republicam eius. Tu enim solus Aegyptum et Alexandriam et Pentapolum Saracenis tradidisti*).²

Надежда, что церковь обеспечит прочное государственное единство Восточно-Римской империи на религиозной основе, оказалась неосуществимой. Сама церковь не оказалась единой, а распалась на несколько враждебных друг другу церквей, причина чего лежала во все более и более определяющемся экономическом обособлении восточных областей Империи, а также в глубоких социальных и этнических противоречиях, раздиравших государство. Установлению церковного единства, кроме того, препятствовала ожесточенная борьба самих правящих церковных клик между собою, особенно остро проявившаяся в этот период.

Считаясь с этой трудностью, Зинон и Анастасий как в государственной, так и в церковной политике ограничили себя скромной задачей утверждения государства на восточной основе, объединив Восток с Центром и отказавшись от всяких видов на Запад. Тем не менее и эта задача оказалась далеко не легкой. Не без больших препятствий правительству удалось добиться весьма проблематического единения между греческим и семитско-коптским Востоком под знаменем двусмысленного эвотикона. Понятно, что попытка Юстиниана осуществить религиозную унию Востока с Западом была обречена на полную неудачу. Многократные попытки

¹ *Libri Pontif.*, ed. Th. Mommsen, p. 176, 4.

² *Mansi*, XI. 3.

Юстиниана и его преемников в этом отношении неизбежно кончались провалом.

Некоторые историки, как, например, К. Н. Успенский, всю политическую историю Византии VI в. рассматривают как „бурно вспыхнувшую борьбу между двумя противоположными силами: церковно-бюрократическим императорским правительством и сенаторской знатью, опирающейся на свое автономное крупное землевладение“.¹ Эта борьба, по мнению Успенского, закончилась „полным разгромом старой аристократии, которая уже не оправилась от великого царского террора, и торжеством церковного и монастырского землевладения“. Точка зрения К. Н. Успенского частично поддерживается вузовским учебником по истории средних веков (2-е изд.), который утверждает, что „светская аристократия, имевшая обширные латифундии в восточных землях Византии — в Египте, Сирии и Малой Азии, — поддерживала сепаратистские тенденции этих провинций, прикрывавшихся ересью монофизитов“² и что „репрессии Юстиниана разрешили ряды старой сенаторской знати и сильно ослабили ее могущество. С того времени в правящих кругах наибольшее влияние приобретают церкви и верхушка бюрократии, пополнявшаяся нередко выходцами из низов“.³

В своей работе „Материалы для внутренней истории Восточно-Римской империи V—VI вв.“, напечатанной в „Византийском сборнике“, я уже имел случай показать, что крупное светское землевладение не только сохранилось, но даже усилилось после Юстиниана (стр. 91). Прекрасное исследование проф. Дьяконова „Византийские димы и факции в V—VII вв.“⁴ достаточно убедительно показало, что крупные землевладельцы сенаторского сословия и греко-римского происхождения составляли руководящую группу партии венетов, которая поддерживала православие и была защитницей единства империи, тогда как сепаратисты-монофизиты находили поддержку в рядах торгово-промышленной группы прасинов. Высшее православное духовенство вместе с сенаторами и ктиторами образовало руководящую группу одной партии — крупных землевладельцев, венетов.

Конечно, полного единства в руководящей группе партии крупных землевладельцев не было. Между землевладельцами светскими (сенаторами и ктиторами) и духовными (церквями и монастырями)

¹ К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии, т. I, М., 1917, стр. 98.

² „История средних веков“, т. I, изд. 2-е, 1941, стр. 180.

³ Там же, стр. 182.

⁴ Византийский сборник. М. — Л., 1945, стр. 144—227.

со времен Константина существовала конкуренция.¹ Конфликты в той или другой форме между двумя группами крупных землевладельцев были возможны и неизбежны. Но приведенный мною материал — и притом официальный, правительственный — не дает никакого основания говорить, что в этих конфликтах крупное светское землевладение потерпело поражение и было вытеснено церковным. Наоборот, Юстиниановское законодательство говорит, что перевес был на стороне архонтов. Широкое распространение эфитевзиса на церковных землях, так же как и на землях императорских, убедительно доказывает, что архонты и знатные особы являлись наследственными держателями очень значительной части церковных земель, и притом на выгодных для себя условиях. Дошедшие до нас документы папской канцелярии и папирусы конца VI и первой половины VII в. показывают, что практика эфитевтического держания получала все большее распространение на церковных землях, даже на землях папского престола. И это весьма понятно, если вспомнить, из кого состоял руководящий епископат. Если епископы и стояли во главе городов, то ведущую роль в их подборе играли архонты и знатные особы. И трудно было найти в епископах — особенно если принять во внимание сильную коррупцию епископата — гражданскую смелость, которая побудила бы их вступить в конфликт с общественной группой, выходцами из которой они сами являлись. Поэтому не могут быть ничем подтверждены гипотезы К. Н. Успенского, что после Юстиниана происходит разгром светского и торжество церковного и монастырского землевладения, а также утверждение учебника по истории средних веков, что после Юстиниана в правительстве наибольшее влияние приобретают церковники. Этому противоречит уже тот факт, что именно после Юстиниана правительство начинает понимать опасность чрезмерного расширения монастырей и пытается использовать богатые церковные средства для нужд государства, причем мероприятия правительства наталкиваются на сопротивление церкви. Император Маврикий пытается запретить чиновникам и военным самовольный уход в монастыри, а Иракий идет даже на более радикальную меру: конфискует церковные сокровища для нужд государственной обороны.

Всестороннее освещение вопроса о взаимоотношениях между государством и церковью в Византии в данный период не входит в задачу настоящей статьи. Все согласны, что византийская государственность была тесно связана с церковью, но разногласия

---

¹ Cod. Theod. XI, 20.

существуют по вопросу, в чем эта связь выражалась и как далеко она зашла. Чрезвычайно распространено мнение, что в Византии государство и церковь составляли как бы две стороны одного и того же явления, что император был главою церкви в такой же мере, как и государства. Это двойственное его положение принято обозначать как цезарепапизм.¹ Изложенные мною факты показывают, что государство и церковь в этот период находились в тесной связи, но связь эта не шла так далеко, чтобы можно было отождествлять церковь и государство и утверждать, что император в V—VII вв. держал в своих руках одинаково и государственную, и церковную власть. Император считал себя главой не только государства, но и церкви, но далеко не всегда мог осуществлять свое право на практике. Существовало различие между чисто фактическими отношениями и тем, что можно рассматривать как имеющее значение с точки зрения права. Да и с точки зрения чисто правовой церковь не признавала безоговорочно законодательной власти императора и его права утверждать соборные постановления.

В этом отношении любопытный материал дает сравнение текста новеллы VII Юстиниана, формулирующей отношения между церковью и государством, в правительственном сборнике 168 новелл² с текстом, вошедшим в церковные канонические сборники.³ Сравнение показывает, что в церковных канонических сборниках текст новеллы значительно сокращен⁴ и из него выпущено как раз то место, где говорится о вмешательстве императора в церковные дела.

Как только императорская политика переставала соответствовать интересам духовенства, оно немедленно заявляло, как это делал Факунд в VII в.: „Один Христос есть царь и священник,⁵ а император должен „исполнять каноны церкви, но отнюдь не устанавливать их, либо преступать“.⁶

Фактические отношения в эти века показывают, что император далеко не всегда являлся действительным главой церкви. Мы видим, что к концу рассматриваемого периода некоторые императоры на-

¹ Бьюри. Государственный строй Византийской империи, стр. 20—21; Viljanueva. Diritto byzantino. 1908, p. 60; L. Hahn. Das Kaisertum, S. 86; Geizer. Das Verhältniss vom Staat und Kirche in Byzanz. — Hist. Ztschr., B. 86 (190).

² Imp. Justiniani Novellae, ed. Zachariae von Lingenthal, 44—49.

³ Heimbach. Anecdota; Beneševič. Syntagma XIV titulorum, col. 87—98; Бенешевич. Синагога в 50 титулов. СПб., 1914.

⁴ F. Bickner. Geschichte d. Novellen. 1824, 170—171.

⁵ P. Lat., 67, 841.

⁶ Ibid., 838.

чали понимать государственную опасность чрезмерного размножения монастырей, но попытка Маврикия начать борьбу с этой опасностью кончилась полной неудачей. Полным провалом кончились многократные попытки императорской власти ликвидировать церковный раскол с монофизитами. Таким образом, из рассмотрения вопроса о церковных имуществах мы получаем дополнительный материал для установления того бесспорного факта, что „деспотическая“ и абсолютная власть византийских императоров в V—VII вв. на практике была ограничена многими рамками: прерогативами войска, димов, прерогативами сената, — вернее, senatorского сословия, которое, как совокупность высшей аристократии, было очень крупной силой, с которой императору приходилось считаться. Такой же силой, экономической и политической, было и духовенство — церковная иерархия и особенно монашество, в значительной степени определявшее общественное мнение той эпохи.
